

I. СУДЬБЫ ЧЕРЕЗ ДВЕ ВОЙНЫ

В БЕЛОМ СТАНЕ

«СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ И ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ»: ПОЛКОВНИК ФЕДОР МАХИН

А. В. Ганин (Москва)

Гражданская война дает совсем немного примеров того, как старшие офицеры русской армии обретали популярность и статус народных вожаков и руководителей повстанческих и партизанских отрядов. Одним из таких офицеров был полковник Федор Евдокимович Махин — офицер, очевидно обладавший ко времени революции оформившимися убеждениями, не типичными для основной массы его сослуживцев, и заметной склонностью к политической активности¹.

Жизненный путь Махина не вполне характерен для русских офицеров начала XX в. Наиболее точно он может быть охарактеризован фразой: «Свой среди чужих и чужой среди своих». Основные вехи биографии Махина уже являлись предметом специального рассмотрения исследователей,² однако до сих пор не было создано его полномасштабной биографии, а некоторые искаженные данные кочуют из работы в работу (в особенности это присуще энциклопедическим статьям), в результате чего даже признанные специалисты, например, в области русской эмиграции, допускают неточности, касаясь жизнеописания этого незаурядного человека.

Махин родился в Иркутске 15 апреля 1882 г.³ в семье ветерана туркестанских походов и русско-турецкой войны 1877–1878 гг., кавалера полного банта знака отличия Военного ордена урядника Оренбургского казачьего войска Евдокима Васильевича Махина, разжалованного и сосланного на бессрочную каторгу за оскорбление офицера, совершенное в нетрезвом состоянии в ночь с 22 на 23 декабря 1879 г.⁴ Такое начало пути уже кажется необычным, учитывая, что семья Махина была старообрядческой, а сам Федор хорошо читал Библию на голос⁵.

Детство Махин провел в Сибири. После амнистии отца в 1895 г. возвратился с семьей в станицу Буранную, где родители жили до ссылки. Отец вскоре занял должность почетного станичного судьи. В 1898 г. он был полностью восстановлен в правах, возвращены награды. По данным на 1909 г. отец находился в отставке в звании вахмистра, имел золотую шейную медаль «За усердие» на андреевской ленте⁶.

Сам Федор начал службу в 1900 г. писарем Войскового хозяйственного правления Оренбургского казачьего войска. В 1904 г. он по первому разряду окончил Оренбургское казачье юнкерское училище, был выпущен в чине хорунжего и направлен на службу в 6-й Оренбургский казачий полк, в котором стал делопроизводителем полкового суда.

В 1905–1907 гг. Махин находился на службе в 7-м Оренбургском казачьем полку (исполнял должность полкового казначея), действовавшим в Саратовской губернии по подавлению аграрных беспорядков. Возможно, именно этот опыт повлиял на формирование у него социалистических убеждений. 2-я полусотня 3-й сотни полка под командованием Махина некоторое время была расквартирована в селе Сластуха Аткарского уезда в частных домах⁷. Казаков бесплатно содержал местный помещик. По одному из свидетельств, «лучше этой части и найти трудно. Никто и никогда не предъявлял на казаков этой полусотни никаких жалоб, и люди ведут себя во всех отношениях хорошо»⁸. За отличия по службе Махин в 1908 г. был отмечен орденом Св. Станислава 3-й степени. В том же году он получил чин сотника.

По аттестации 1908 г. Махин «службу знает и любит ее, исполнитель, требователен и справедлив. Здоровьем крепок, умственные способности очень хороши. Военной службой и литературой интересуется. Хороший семьянин не пьющий, азартных игр не любит. Нравственности прекрасной. Долгов не имеет, аккуратен, к командованию сотней не подготовлен»⁹.

В 1908 г. Махин поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. Младший класс академии Махин окончил сорок седьмым, имея 9,9 балла по главным и 10 баллов по вспомогательным предметам¹⁰. Получив на старшем курсе неудовлетворительный балл по военной статистике иностранных государств, Махин был в 1910 г. отчислен от Академии¹¹. Причем в делопроизводстве академии сохранилась не подлежащая оглашению записка ординарного профессора полковника А. Г. Елчанинова от 25 марта 1910 г., в которой маститый преподаватель отмечал: «Старшего класса сотник Махин. При большем знакомстве обнаружил больше слабого, нежели сильного. Знания — недостаточные. Взгляды — односторонние. При громадном старании, работа прямо не укладывается в нужные рамки. Считаю, — по причине малого развития. Только самая настойчивая работа в дальнейшем, по-моему, даст из него офицера Ген[ерального] штаба, сколько-нибудь сносного. Тактичность —

чисто служебная – достаточная. Воли – мало для проведения в жизнь сильных решений. Усваивает новое туго. Вперед за год не двинулся. Вынужден поставить ниже всех в партии, особенно после военной игры. Общая оценка – 9 (девять) бал[лов]. Полковник Елчанинов»¹².

Любопытно, что в тот же день другой, не менее известный преподаватель академии, полковник А. Е. Снесарев отметил, что Махин – «офицер скромный и трудолюбивый»¹³. В 1911 г., по данным послужного списка Ф. Е. Махина, он снова держал экзамен уже сразу в старший класс академии¹⁴. В этом же году Махин был произведен в подьесаулы (с 10 августа 1911 г.). Судя по всему, Махину было разрешено сдать все предметы младшего класса, не проходя повторного обучения в нем, так что приведенные выше баллы, скорее всего, являются оценками за переводные экзамены в старший класс. Средний балл, полученный Махиным при сдаче экзаменов за младший класс академии, позволил ему быть вновь зачисленным в нее. Во второй раз поступив в старший класс, Махин, видимо, осознал, что больше шанса успешно закончить академию у него не будет, и всерьез взялся за учебу, развивая в себе необходимые для генштабиста качества и, по возможности, пытаясь преодолеть свои недостатки. Результат не заставил себя ждать.

По итогам переводных экзаменов и полевых поездок старшего класса подьесаул Махин был сороковым по списку со средним баллом 10,3 (ровно столько же, сколько и у его сокурсника и будущего сослуживца по Юго-Западной армии И. Г. Акулинина)¹⁵. Полученный балл нельзя назвать блестящим, но его было вполне достаточно для перевода на дополнительный курс и преодоления еще одного препятствия на пути к заветным серебряным аксельбантам и черному бархатному воротнику генштабиста.

На дополнительном курсе Махин за тему по военной истории 10 января 1913 г. получил 10 баллов¹⁶. Затем он подготовил тему по военному искусству под названием: «Тягость воинской повинности в Германии, Франции и России». Оппонентами на защите выступили генерал-майор А. А. Гулевич (впоследствии представитель генерала Н. Н. Юденича в Финляндии) и генерал-майор Д. В. Филатьев (будущий помощник Верховного главнокомандующего адмирала А. В. Колчака по хозяйственной части). Защита должна была проходить 26 марта 1913 г.¹⁷ Однако из-за болезни докладчика она была перенесена на 24 апреля. Причем Махин за эту тему получил 11,5 балла, что являлось очень высоким результатом¹⁸.

Видя перед собой молодого тридцатидвухлетнего слушателя академии, его оппонент по тактике артиллерии полковник А. К. Келчевский не мог предположить, что через десять лет умрет на своей квартире в Берлине от паралича сердца после острого политического спора с этим самым офицером о роли эсеров в революцию¹⁹. Не мог этого знать весной 1913 г. и сам Махин, который по итогам трех тем получил в

среднем 10,7 балла²⁰, что позволяло ему уже не беспокоиться об успешном окончании дополнительного курса, несмотря на хорошую, а не отличную оценку по верховой езде²¹. Своим упорством Махин тогда сумел добиться окончания Академии по первому разряду, шестнадцатым в своем выпуске со средним баллом 10,5 за дополнительный курс и с причислением к Генштабу²². Более того, за отличные успехи он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени, получил право преподавания курса военной истории в военных училищах и попал на службу в престижный Киевский военный округ²³.

Для полугодового цензового командования сотней Махин был назначен в 1-й Уральский казачий полк, однако вскоре, в связи с началом войны, Махин сдал сотню и был направлен в штаб Киевского военного округа.

Махин принял участие в Первой мировой войне, исполняя должность помощника старшего адъютанта оперативного отделения отдела генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. Награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами и «за отличия в делах против неприятеля» орденом Св. Анны 2-й степени с мечами (1915 г.). В том же году Махин «за отличия в делах против неприятеля и труды, понесенные во время военных действий» был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» – аннинским оружием²⁴.

С 5 мая 1915 г. Махин – помощник старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. В 1916 г. (с 17 сентября) он занимает должности штаб-офицера для поручений управления оберквартирмейстера штаба XLVII армейского корпуса²⁵ и штаб-офицера для поручений управления генерал-квартирмейстера штаба 6-й армии.

В марте 1916 г. Махин награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, в августе получает Высочайшее благоволение «за отлично-усердную службу и труды»²⁶. В июле-августе 1916 г. он несет службу в Луцке, постоянно находясь под огнем неприятеля. Произведен в подполковники (с 15 августа 1916 г.), в конце года награжден мечами и бантом к ордену Св. Анны 3-й степени.

Журналист С. Л. Поляков-Литовцев вспоминал о своей встрече с Махиным в конце 1916 г. в Румынии: «Этот простой и храбрый офицер мне очень понравился, я бывал рад каждый раз, когда он в автомобиле брал меня в поездки по фронту. У нас даже завязалось приятельство. Но от мысли, что рядом со мною, в казачьей форме, сидит тайный эсер я был далек за тысячу верст. Помню, я заботился о том, как бы его случайно не шокировать моими конституционно-демократическими убеждениями»²⁷.

С 3 декабря 1916 г. Махин – штаб-офицер для поручений по авиации при отделе генерал-квартирмейстера штаба 6-й армии. 4 марта 1917 г. назначен помощником старшего адъютанта того же отдела. 17 мая в

результате тайного голосования офицеров и солдат отдела избран в состав дисциплинарного суда. С 29 мая Махин допущен к должности старшего адъютанта военно-цензурного отделения того же отдела. С 27 июля 1917 г. назначен начальником штаба 3-й стрелковой дивизии²⁸. Эту должность он занимал до 9 декабря 1917 г., когда получил назначение начальником отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. За организацию снабжения 1-й Сербской добровольческой дивизии в Одессе Махин был награжден сербским орденом Белого орла с мечами²⁹.

По аттестации 29 августа 1917 г. Махин – «службу знает и любит ее. Трудную обязанность Начальника Штаба выполняет образцово. Работает с большой энергией, уверенно и продуктивно, вникая в суть дела. В обстановке быстро и отлично разбирается, проявляя широкую инициативу. Неся обязанности Начальника Штаба не раз во время боевых операций проявлял отличное знание строевой службы и показал свою полную подготовленность к командованию отдельной частью. Имеет солидный боевой опыт. К подчиненным настойчиво требователен и в высшей степени заботлив; всегда доступен. Солдаты его понимают и любят, хотя безусловно у них популярности не ищет. Характера ровного, всегда активен, самостоятелен, общителен и тактичен. Здоровья крепкого, очень вынослив. При всякой боевой обстановке совершенно спокоен, тверд и неустрасливо уверен в выполнении составленного плана действий. Вполне подготовлен и заслуживает назначения на должность Командира полка и вне очереди. Отличный»³⁰.

По всей видимости, в 1917 г.³¹ Генерального штаба подполковник Махин вступил в партию социалистов-революционеров, возглавив штаб военной организации партии. Удалось обнаружить достаточное количество доказательств того, что Махин не только являлся убежденным сторонником эсеров, но и состоял в годы Гражданской войны и даже до нее в партии социалистов-революционеров (ПСР).

Друг Махина, участник Белого движения на Юге России Генштаба генерал-лейтенант П. С. Махров вспоминал: «Отличительной чертой этого выдающегося офицера генерального штаба было то, что он был чужд всяких шаблонов, всякой схоластики, и очень быстро оценивал обстановку и принимал соответствующие решения. Это был неутомимый работник и совсем не штабная белоручка. Всегда, как только нужно было разобраться, что происходит в действительности на передовых линиях, посылали подбесаула, а потом капитана Махина. Для него не было на войне невозможного. Где на автомобиле, где верхом, где пешком, в дождь, в вьюгу, зимнюю стужу, всюду он исполнял ему данные поручения и всегда блестяще. Уже перед первой мировой войной, любя превыше всего свободу, он был революционером и даже вошел в соц[иал]-рев[олюционную] партию»³².

В 1918 г. Махин по приказу ЦК партии поступил на службу в Красную армию³³. Как впоследствии вспоминал Г. И. Семенов (Васильев), некоторое время возглавлявший в ПСР красноармейский отдел, «...мы сосредотачивали особое внимание на работе в Красноармейских частях: на вливании в формирующиеся части возможно большого (так в документе – авт.) количества наших людей, подборе нашего командного состава для этих частей и создание (так в документе – авт.) наших ячеек»³⁴. Именно так подполковник Махин оказался в рядах Красной армии, где вскоре достиг высоких постов.

Махин получил назначение на должность начальника оперативного отделения штаба военного руководителя Московского района К. К. Байова³⁵. В служебных документах Махина значилось, что он «желает получить должность в Приволжском или Приуральском воен[ных] окр[угах]»³⁶. Думается, подобное прошение – не случайность и вовсе не стремление Махина занять более престижную должность, как ошибочно полагают некоторые любители прошлого. На самом деле еще весной 1918 г. социалисты-революционеры, придя к выводу о бесперспективности борьбы с большевиками в Петрограде и Москве, приняли решение о переводе своих организаций, в том числе и военной, в Поволжье и на Урал.³⁷ Судя по всему, Махин руководствовался именно этим решением ЦК партии социалистов-революционеров.

Просьба Махина была удовлетворена. Он был назначен на ответственный пост начальника Уфимского полевого штаба и командующего 2-й армией (26 июня – 3 июля 1918 г.). На этом посту Махин сменил В. В. Яковлева (перешел на сторону Комуча осенью 1918 г.),³⁸ а произошло его назначение не без помощи бывшего прапорщика Мартьянова, тоже эсера, служившего в штабе советского Восточного фронта³⁹. По имеющимся данным, приказ о назначении Махина был подписан командующим большевистским Восточным фронтом левым эсером М. А. Мурьевым⁴⁰.

За неделю пребывания на этом ответственном посту Махин изменил оперативный план штаба, захватил важные документы. Надо сказать, что в Уфе подпольная работа против красных была поставлена на широкую ногу, не один только Махин был послан туда белым подпольем⁴¹. Сам Махин при подходе чехословацких войск к Уфе выехал из города со своим адъютантом навстречу командиру Поволжской группы чехословацких войск полковнику Станиславу Чечеку и заявил ему примерно следующее: «Я начальник Штаба красных войск в Уфе. Зная о вашем приближении, я разослал все части так, что вы можете войти в город беспрепятственно. Дальнейшее мое личное пребывание в городе – невозможно. Возвратиться туда мне нельзя... Идите на эту крепость смело, не раздумывайте, достаточно одной части, чтобы забрать город»⁴². Таким образом, Махин фактически сдал город белым.

Свой переход на сторону противника он совершил, когда, по некоторым данным, уже было издано постановление о его аресте⁴³. Кстати, на сторону противника позднее перешел и его преемник на посту командарма-2 А. И. Харченко.

Итак, 4 июля 1918 г. чехословаки при содействии Генерального штаба подполковника Ф. Е. Махина взяли Уфу, а уже через день на станции Миньяр в 110 километрах к востоку от Уфы произошло соединение челябинской (Генерального штаба полковник С. Н. Войцеховский) и самаро-златоустовской (полковник С. Чечек) групп чехословаков, в результате чего от большевиков была практически полностью освобождена огромная территория от Волги до Тихого океана

Что же происходит с Махиным? Казалось бы, у эсеров появился свой человек в руководстве Народной армией самарского Комуча! Махин вполне мог возглавить армию, однако этого не случилось. Управляющий делами Комуча Я. С. Дворжец вспоминал: «Однажды мне доложили, что чешские офицеры привели арестованного. Я приказал его принять, а офицеров отпустить, но получил ответ, что офицерам приказано сдать арестованного лично из рук в руки мне. Я приказал вестить их в кабинет и был удивлен видом и фигурой арестованного. Очень полный, высокий с круглым мясистым лицом, выплывающим за воротник косоворотки – в куцем потертом пиджаке, странных брюках весьма неопределенного цвета и рыжих сапогах.

На мой вопрос о том, кто он, арестованный просил меня несколько слов наедине, и я попросил его на балкон.

Выйдя туда, арестованный вытасил свое удостоверение личности, которое меня свергло в величайшее удивление – перед[о] мною стоял Команд[ующий] Уфим[ским] фронтом товарищ МАХИН, как о том свидетельствовало удостоверение, подписанное самим Подвойским. На мой крайне недоуменный взгляд и вопрос, который был в нем, тов. Махин сообщил, что он с.-р. член Воен[ной] Комис[сии] Ц.К. Партии, командирован на службу к б[ольшевик]кам партией со специальным заданием занять видное место, как подполковник Ген[ерального] Штаба и действовать согласно директивам партии. Командуя фронтом, он в нужный момент спутал все карты, скрыл следы своих распоряжений для невозможности разобраться в директивах, данных им одним[для] запутывания другого и скрылся, перебрался через фронт в распоряжение К[омитета членов] Уч[редительного собрания].

Конечно, я поспешил сообщить тов. Вольскому и др. о прибытии тов. Махина, а прибывший вскоре тов. Веденяпин (как член ЦК), быв[ший] в командировке (i), подтвердил все сказанное тов. Махиным и опубликовал в печати.

Казалось бы, что получив в свое распоряжение опытного офицера Генштаба, с.-р., выполнившего блестяще задание партии – Ком. У. С.

поспешит заменить им малоизвестного, определенно антипатичного и находившегося под контр.-рев. подозрением Галкина, но, увы, уже здесь Ком.У.С. побоялся пойти на этот шаг под давлением провозглашенного всякой правой⁴⁴ печатью лозунга – армия вне политики, лозунга, который так блестяще и умно был выброшен и распропагандирован «Волжским Днем» – органом к-д.

Было ясно, что этот походный и подлый орган господ Кудрявцевых, Воробейчиковых и Соловейчиковых (блестяще показавших себя при Колчаке) поднимет адский шум против назначения с. р. на столь большой пост и зазвонит о «вне политики», о беспартийности и проч. и характерно, что уже в этот момент расцвета власти и наибольшего момента высоты ее стояния Ком. У. С. не решился на открытый шаг, на определенное заявление и пошел на суррогат, на маскировку.

Махину был дан мандат на право присутствия в штабе Н[ародной] Армии в качестве связи с Ком. У. С., но и этот шаг вызвал решительный протест и вопль со стороны Галкина и «демократического» Штаба и Ком.У.С. вынужден был согласиться на назначение Махина команд[ующим] Вольским фронтом, которое предложил Штаб в желании избавиться от «контроля» эсеровского Генштаба.

Махин принял это назначение по постановлению Военкомиссии П.С.-Р., которая нашла нужным его выезд туда для того, чтобы он побывал на фронте, зарекомендовал себя, а сами решились на постепенную, но упорную борьбу в среде членов партии за Махина и его ответственное назначение. С тоской подчинился Махин постановлению и уехал, чтобы больше не являться.

Было еще несколько моментов в жизни Ком.У.С., когда, казалось, левая оказывалась сильнее и мы с ВКВ⁴⁵ уже предвкушали отставку Галкина и назначение Махина, но в этот момент все дело портили..., и Махин продолжал оставаться в немилости⁴⁶.

Итак, Махин, перейдя к своим, был встречен со значительной долей недоверия⁴⁷. В период 8–11 июля он участвовал в работе Самарского уездного крестьянского съезда, пытаясь убедить крестьян дать новобранцев в армию⁴⁸.

14 июля 1918 г. белыми был занят Хвалынский. Вскоре после своего перехода на сторону Комуча Махин возглавил части Народной армии Хвалынского района (с 17 июля 1918 г.) с подчинением полковнику А. С. Бакичу⁴⁹. Начальником штаба Махина стал капитан М. Н. Руссет. К 15 августа 1918 г. Махину были подчинены Хвалынская добровольческая дружина и Вольский отдельный конный дивизион⁵⁰. Остальные части, по всей видимости, были взяты из 2-й Сызранской стрелковой дивизии Бакича.

Войска Бакича составляли Центральную группу войск Народной армии, севернее действовал полковник А. П. Степанов, южнее – Гене-

рального штаба подполковник Ф. Е. Махин. Приказом Главного штаба Народной армии № 19 от 21 июля 1918 года Махин был подчинен Бакичу⁵¹. Общая численность их войск составляла 6,5 тысячи штыков, 3,3 тысячи сабель, 150 пулеметов и 35–40 орудий⁵². Таким образом, несмотря на изначальное недоверие, Махин сравнительно быстро получил очень высокий пост в армии.

В отличие от многих других старших офицеров, участвовавших в борьбе с большевиками, полковник Махин по своим политическим взглядам был убежденным противником монархии, по этой причине в Народной армии Комуча он пришелся, что называется, ко двору. Тезисно политическая позиция Махина изложена в его Записке «О ближайших задачах, стоящих на очереди в связи с вопросом о возобновлении войны с Германией», составленной им для Комуча 17 июля 1918 г. в Самаре, и состояла всего из трех пунктов:

- 1) подъем народных масс на борьбу при опоре на рабочих и крестьян;
- 2) единственно возможный лозунг – «Земля и Воля, Независимая Демократическая Россия»;
- 3) борьба с большевиками⁵³.

Все эти положения вполне соответствовали политической программе ПСР.

Кроме того, Махин предлагал отказаться от добровольческого принципа комплектования армии, оборудовать тыловую базу (Екатеринбург – Челябинск – Оренбург), создать штаб командующего действующей армией. Ближайшей оперативной задачей Махин считал выход на линию река Ока – река Цна – Царицын. Махин наметил четыре района сосредоточения армии: Вятка – Пермь – Сарапул; Казань – Самара – Уфа – Оренбург; Саратов – Царицын – Уральск; Астрахань. Важной составляющей своего плана Махин считал подготовку народных восстаний и партизанских действий в тылу красных, а также установление тесной связи с антибольшевистскими организациями на Дону, Кавказе и Украине. По мнению Махина, на востоке России можно было развернуть 42 дивизии⁵⁴.

Махин должен был, действуя от Сызрани и Хвалынска, овладеть Вольском. Хвалынец имел исключительное значение как база для новых формирований и операций на Саратове и Николаевск. Махин действовал практически без помощи чехов, причем, по мнению одного из мемуаристов, «лишь его способностями и мужеством можно объяснить те результаты, которых он достигал при этом»⁵⁵. В подчинении Махина помимо других частей находились казаки 2-го Оренбургского казачьего полка. У Хвалынска Махин сосредоточил свои главные силы (около 3000 человек) и затем перешел в наступление на красных по правому берегу Волги. Сам Махин действовал на левом берегу, на правом его замещал капитан М. Н. Руссет. Сбив противника, Махин двинул свой

отряд на Вольск. Расстояние между двумя городами составляло 70 верст. Левый фланг белых прикрывала речная флотилия, главные силы двигались по берегу Волги.

Уже 26 июля Махин получил благодарность Комуча за победу 24 июля на хвалынском направлении⁵⁶. 28 июля пришла благодарственная телеграмма подполковника С. Чечека⁵⁷. Надо сказать, Махин был требовательным начальником, благодаря чему его войска выигрышно смотрелись в сравнении с другими. В частности, продавцов самогона – «спекулянтов, наживающих состояние на деньги жалких, беспринципных или больных людей» во вверенном ему районе Махин предупреждал о том, что они «ответят в 10 раз больше, что для них пощады не будет»⁵⁸. На основе изучения приказов Махина складывается впечатление, что в Поволжье он, помимо боевой деятельности, активно претворял в жизнь идеи Комуча по созданию революционной армии из сознательных бойцов. По сути, это единичный случай среди белых офицеров, в большинстве своем чуждых эсеровской идеологии. Особое внимание он обращал на культурный уровень чинов своей группы⁵⁹.

Отряд Махина не имел резервов и не превышал даже в лучшие периоды своего существования 3,5 тысячи человек. Стержень отряда, по мнению одного из мемуаристов, составляла рота чехословаков под командованием Гусарека⁶⁰. Другой автор, правда, полагал, что ядро составляли балаковские мужики⁶¹. Балаково тогда было большим селом неподалеку от Вольска на самарской стороне Волги.

Вольск был занят, во многом, благодаря внутреннему восстанию. После этого, пробыв в городе не более суток, Махин продолжил преследование красных. Его удар удачно пришелся в стык 1-й и 4-й советских армий (общая численность около 28 000 штыков и сабель, около 80 орудий, свыше 380 пулеметов). В общей сложности войска Махина в ходе наступления продвинулись на 40–50 километров⁶². Часть войск во главе с капитаном Касаткиным двигалась по линии железной дороги на Аткарск. Однако основной удар Махина был направлен вниз по Волге. Судя по всему, Махин рассчитывал овладеть Саратовом и соединиться с осаждавшими Царицын донскими казаками, однако этого не случилось. В 60 верстах за Вольском вниз по Волге произошел встречный бой между Махиным, рвавшимся к Саратову, и красными, после чего наступление на этом направлении приостановилось.

После этого Махин сосредоточил усилия на других участках, расширяя подконтрольную ему территорию и содействуя соседям. В целом, операции Махина на правобережье Волги были достаточно успешными, несмотря на то, что ему противостояли отряды такого талантливого командира, как В. И. Чапаев. Войска Махина летом 1918 г. освободили от красных юго-западную часть Самарской и северную часть Саратовской губернии. Действовать приходилось и в Николаевском уезде Са-

марской губернии, известном своими революционными традициями с 1905 г. Возможно, Махину пригодился имевшийся у него опыт подавления революционного движения в этих местах в 1906–1907 гг. Кстати, о деятельности Махина в этот период высоко отозвался лидер эсеров

В. М. Чернов, который писал, что «видел на Вольско-Хвалынском фронте крестьян-добровольцев Самарской и Саратовской губернии, которые начали борьбу с большевиками чуть не голыми руками; это была горсть людей, которые, под командой с.-ра полковника Махина начали борьбу с одной жалкой пушкой, с разнокалиберными винтовками, почти без патронов; но я уже застал их довольно сносно экипированными и вооруженными из захваченных большевистских обозов, не боящимися атаковать вчетверо сильнейшего неприятеля и гордыми своей военной добычей – двадцатью семью орудиями, отнятыми у большевиков и обращенными против них же. Я был свидетелем злосчастного финала борьбы – когда этих, дравшихся как львы бывших фронтовиков восторжествовавшие реакционеры перебросили, безопасности ради, из родных мест, в которых они каждую пядь земли готовы были орошать своею кровью, – в чуждые, дикие пустыни Средней Азии, где палящий зной и бездушность Дуговского казачьего режима медленно, но верно иссушили их усталые сердца»⁶³.

Базируясь на Хвалы́нск, Махин действовал от него в нескольких направлениях – на запад, юго-запад, юг и юго-восток, содействуя в своих операциях в том числе и уральским казакам. Махин отличался большой личной храбростью. Так, в бою под Ливянкой 8 августа 1918 г. он, находясь на передовой, всего в 100 шагах от неприятеля, был ранен ружейной пулей в лицо, причем была пробита правая верхняя челюстная кость. Связано это было с тем, что при наступлении Махин обычно ехал в экипаже впереди головной заставы своих сил, перед ним двигались лишь дозоры. При обнаружении противника Махин оставлял экипаж и лично производил разведку. В этот раз красные сделали вид, что сдаются, а когда белые приблизились, открыли по ним огонь. Одна из пуль попала Махину в голову, войдя возле носа и выйдя в районе уха⁶⁴.

Несмотря на тяжелое ранение, Махин до конца боя остался в строю и руководил боем. Более того, один из мемуаристов писал, что «в самый, как казалось нам, разгар боя к батарее (2-й Самарской – авт.), неожиданно, на тройке подъехал раненый в шею полковник Махин и приказал немедленно сниматься с позиции и отходить назад. Предупредив, что все и на всех участках фронта давно уже отступили, он куда-то быстро умчался...»⁶⁵. Красные в Ливянке имели большие запасы имущества, около 500 000 руб. Первоначальный успех войск Махина сменился неудачей после провокации красных, надевших отличительные знаки Народной армии и вывесивших белые флаги. В критическом

приказе после этого боя Махин отметил, что «мужество наших войск не подлежит никакому сомнению. Оно и не может быть иначе, т. к. мы защищаем Великую Россию и Завоевания Великой Революции»⁶⁶.

Махин явился на перевязочный пункт последним; его перевязали на пароходе, а затем перевезли в штаб в Хвалы́нск, где он снова вернулся к работе, игнорируя категорический запрет врачей⁶⁷. 16 – 19 августа Махин ездил в Самару. По характеристике Б. Б. Филимонова, он – «кадровый офицер, пожилой – лет 40–50, среднего роста, состоял в партии эсеров, прекрасный боевой начальник»⁶⁸.

20 августа 1918 г. Махин был произведен постановлением Комуча «за проявленное мужество и самоотвержение в боях против большевиков» в полковники⁶⁹. По данным к 26 августа 1918 г. в Народной армии Хвалы́нского района числилось 329 офицеров, 10 врачей, 10 военных чиновников, 109 унтер-офицеров, 1282 добровольца, 1790 военно-обязанных при 631 лошади.⁷⁰ Таким образом, боевой состав войск Махина был равен 3510 бойцам.

Однако инициатива уже переходила к красным. Наступление Махина застопорилось под Николаевском, которым его отряд овладел лишь на один день 20 августа⁷¹. Уже утром 21 августа в город вошли чапаевцы⁷². Войска Народной армии отошли на Хвалы́нск. В частях вспыхнула эпидемия тифа и малярии.

6 сентября в 18 часов Махин вторично взял Вольск, ворвавшись в город фактически на плечах красных. Причем ему удалось разбить Вольскую советскую дивизию, погибли ее начальник и начальник штаба, в плен попало около 400 человек, вся дивизионная артиллерия (6 орудий), пулеметы и делопроизводство штаба дивизии⁷³. Наступление красных на Хвалы́нск было отбито. Махин развивал успех далее. 9 сентября генерал-майор С. Чечек поздравил Махина с успешными действиями⁷⁴. В этот период Махин просил штаб армии прислать ему автомобиль, так как в ходе Заволжской и Вольской операций ему приходилось передвигаться в экипаже, что осложняло управление войсками⁷⁵. Телеграф работал безобразно, в Вольске накопилась масса неотправленных телеграмм.

Небезынтересно, что в те дни Махин выступил активным противником возрождения дореволюционных наград, полагая награждение ими несвоевременным⁷⁶.

Несмотря на успехи Махина, обстановка быстро менялась, и уже 12 сентября 1918 г. красные, не встретив сопротивления, овладели Вольском. 17 сентября под ударами 1-й и 4-й красных армий пал Хвалы́нск. Впрочем, Махину почти сразу удалось отбить город, и вторично он был оставлен лишь 29 сентября. Его войска из-под Хвалы́нска отходили на Сызрань и далее к Самаре⁷⁷. Войска, в течение лета и осени 1918 г. фактически беспрерывно находившиеся в боях, были сильно утомле-

ны. На подступах к Сызрани в районе деревни Ореховка Махин дал двухдневный решающий бой, разбил красных, разезды его отряда дошли до Хвалынска, но это уже не изменило общей стратегической обстановки.

Сохранилось относящееся к этому времени письмо интенданта войск Хвалынского района В. Ушакова брату в Омск, в котором говорилось: «Буду до последнего дня в войсках Хвалынского района. Нас теснят. В руках народной армии осталась на правом берегу Волги одна Сызрань. Причина наших неудач – нежелание мобилизованных сражаться с большевиками, несмотря на все усилия со стороны последних по части грабежей, насилий и разбоя. 75% мобилизованных дезертировали; держимся только офицерами и добровольцами; происходит уничтожение всего интеллигентного, отважного и патриотического. Положение не безнадежное; еще месяц продержимся. К великому своему огорчению должен признаться, что своими силами нам не стать на ноги, до того мы исподлились и ослабли под влиянием большевизма. В народной армии ничего не сделано для водворения дисциплины; служат только желающие, а так как умирать добровольно никому не охота, то при первых выстрелах солдаты бегут. Для восстановления дисциплины у нас пока ничего не сделано... Надеюсь на Сибирь и на союзников».⁷⁸

Главком В. Г. Болдырев писал о Махине: «Считаю его одним из доблестнейших офицеров, пользующихся полным доверием и уважением в войсках».⁷⁹

Некоторые сомнения относительно политических взглядов Махина в это время может развеять рапорт хорунжего первой сотни 2-го Оренбургского казачьего полка Г. Л. Тимашева командиру полка войсковому старшине Бычкову от 22 сентября 1918 г.: «Доношу, что за время моего пребывания на Хвалынском фронте я обратил внимание на то, что командующий войсками Хвалынского района полковник Махин ослабляет и без того слабую дисциплину в войсках его фронта, что видно из следующих, хотя и мелких, но характерных примеров: приехав в мое отсутствие в казармы Вольского конного дивизиона в Хвалынке, где стояла моя полусотня, он, поздоровавшись с казаками, сделал им замечание, что нужно отвечать не «здравие желаем господин полковник», а здравствуйте гражданам полковник, на что казаки ответили, что такого приказа у них не было.

Затем казаки просили его разрешить им рваную обувь заменить новой, на что полковник Махин сказал им, что «ваше начальство присылает вас только обмундировываться, а не воевать». Подобное заявление полк[овника] Махина я считаю неосновательным с его стороны.

После этого он собрал солдат конного дивизиона и говорил им речь; между прочим сказал, что после войны с большевиками им (т. е. солдатам) придется может быть сразиться против генерала Краснова и

Сибирских войск; после чего все казаки с собрания ушли. Должен заметить, что в своем полевом штабе он разрешал находиться совершенно посторонним штатским лицам, как напр., г[осподи]ну Каменскому редактору или сотруднику газеты «Земля и Воля».

Эта газета, будучи под наблюдением полковника Махина, писала открыто статьи явно провокаторские, как напр[имер] в одном из номеров этой газеты была статья о каких-то необыкновенных зверствах уральских казаков в гор[оде] Новоузенске и много др[угих] статей. Подобные статьи полк[овник] Махин также оставлял без внимания.

Кроме того, при отступлении из Вольска он разрешил г[осподи]ну Чернову в селе Семеновском собрать солдатский митинг, на котором было одно безобразие, слышалось то ура, то свистки, то непристойные выкрики.

Относительно боевых действий, происходивших при мне, могу сказать только, что воевать при такой обстановке невозможно. С началом отступления и так недисциплинированные войска совершенно развалились, бросали оружие, перебежали на сторону красных. Командный высший состав забывал совершенно о частях, их местоположениях, оставляя их на произвол судьбы или отдавая прямо преступные приказания, как напр[имер] приказание полковника Розенбаума моей полусотни за № 15 к сему прилагаемое, когда Апалиха была с утра еще занята противником и, подойдя к селу вплотную, я потерял 2^{ух} казаков пленными Дмитрия Донковцева и Ивана Донкова, которые вошли уже в самое село; сам я с разездом почти в упор был расстреливаем из пулеметов и винтовок и, не имея потерь, благодаря случайности и наступавшей темноте. Всю картину развала на Хвалынском фронте я считаю обязанностью Вам донести, а также и причины его, т. к. воевать при такой обстановке – это только развращать наши казачьи части и деморализовать. Хор[унжий] Тимашев».⁸⁰

На следующий день войсковой старшина Бычков сообщил в Самару командующему войсками Приволжского фронта: «В настоящее время в распоряжении полковника Махина состоит 4ая сотня вверенного мне полка; считаю нахождение ее в отряде Полковника Махина неподходящим и ходатайствую о переводе 4 сотни в распоряжение Начальника Отряда Сызранского фронта для участия в боевой обстановке с частями чехословаков. Одновременно об этом доношу Начальнику Военного Отдела Оренбургского казачьего войска для доклада Войсковому Атаману того же войска».⁸¹

30 сентября 1918 г. в бою под Васильевкой Махин был вторично ранен, в шею, и на этот раз находился на лечении, передав командование штабс-капитану Касаткину.

5 октября Махин, пользовавшийся огромным авторитетом и в Народной армии, и у чехов (как отметил Я. Сыровы)⁸², несмотря на ранение,

полученное незадолго до этого, вступил в командование всеми русскими частями Самаро-Сызранского района и должен был оборонять Самару. Подчинявшийся до сих пор лишь штабу Народной армии независимый Бакич был переведен под начало своего прежнего сослуживца и, более того, подчиненного по борьбе на правом берегу Волги, что не могло быть воспринято Бакичем позитивно. Махин развернул поистине кипучую деятельность. Формировал дружины ополченцев, занимался эвакуацией Комуча. 6 октября он отдал приказ 1-му Офицерскому батальону выступить на позиции для прикрытия эвакуации, но офицеры отказались выполнять приказ, угрожая Махину арестом, после чего самовольно ушли в тыл. В ответ Махин отдал приказ о расформировании батальона и разжаловании мятежников в рядовые⁸³. Однако вышестоящее начальство отменило этот приказ, рекомендовав офицерам принести извинения. Авторитет Махина оказался подорван.

7 октября пала Самара, Махин был назначен командующим Поволжским фронтом, а с 9 октября возглавил Бузулукский участок фронта (позднее – Бузулукская группа Юго-Западной армии)⁸⁴, руководство Западным фронтом перешло к чешскому генералу Чечеку⁸⁵. В эти дни полковник занимался эвакуацией имущества узловой станции Кинель, что ему к 10 октября удалось успешно осуществить, – весь подвижной состав был направлен на Бугуруслан, взорваны стрелки, уничтожены телеграфные провода⁸⁶. По мнению Дутова, войска Махина при отступлении от Самары сделали все, что только возможно⁸⁷.

11 октября в 22 часа 30 минут Бакич из Бузулука направил телеграмму на имя начальника штаба Верховного Главнокомандующего с копией в Оренбург атаману Дутову. Никак иначе, кроме как попытка интриговать против своего непосредственного начальника, эта телеграмма полковника Бакича охарактеризована быть не может. Бакич телеграфировал: «Вторая Сызранская стрелковая дивизия с начала формирования 20 Июня сего года и с этого времени (так в тексте – авт.) находилась непрерывно в боях под Вольском, Хвалынском, Сызранью, по пути Сызрань[–] Самара[–] Кинель. Формирование дивизии, насколько позволяла обстановка, было произведено достаточно полно. Однако мне как начальнику дивизии почти совсем не удалось командовать ею при выполнении боевых задач: на Сызранском направлении 7 и 8 полки были откомандированы в распоряжение полковника Махина, а оставшиеся 5 и 6 полки, раздерганные по частям, входили в состав войск, подчиненных полковнику Петржику, а ныне – на Бузулукском направлении части дивизии, выполняющие боевые задачи, опять подчинены полковнику Махину. Выходит, что я как начальник дивизии, ответственный за ее формирование и боевую подготовку, лишен возможности руководить ею в бою, ограничиваясь лишь хозяйственной и административной ролью. Благодаря указанному и вмешиванию (так в

тексте – авт.) в руководство частями дивизии посторонних лиц, ничего общего с нею не имеющими (так в тексте – авт.), дивизия пришла[в] состояние, что на нее как на боевую силу почти не приходится рассчитывать (здесь и далее текст подчеркнут в штабе Дутова – авт.). Согласно указаниям штабфон⁸⁸ Поволжского после отхода от Самары дивизия должна была сосредоточиться[в] районе Бузулук с целью привести в порядок части, но это не удалось, и части продолжают оставаться в бою, причем руководить частями во всех отношениях я опять лишен возможности, так как ими, не являясь моим начальником, без моего ведома распоряжается полковник Махин. Докладывая об изложенном, прошу указаний: чем вызывается недоверие мне как начальнику дивизии в смысле руководства ею в бою и если будет признано, что я по своим служебным и боевым качествам не соответствую занимаемой должности, то назначить на мое место другое лицо, так как выносить умаления моего служебного положения я больше не могу, второе[–] дать приказание, кому я с дивизией[в] настоящее время непосредственно подчинен, третье[–] чьим распоряжением дивизия будет пополняться солдатами, последнее необходимо ввиду большого некомплекта благодаря дезертирству мобилизованных, причем некоторые артиллерийские части почти совсем не имеют прислуги, четвертое[–] будет ли дана дивизии возможность собраться наладить разрушенную организованность частей в утвердительном случае, когда и где, пятое[–] как поступить с требованиями оренбургских и уральских казаков о передаче им разного имущества и вооружения, шестое[–] дать директиву, кто является ответственным боевым начальником на Бузулукском направлении, так как на этот предмет пока никаких указаний не имею, кроме задачи укреплять позиции[в] районе Бузулука... Начдив 2 стрелковой полковник Бакич»⁸⁹. Откровенно говоря, Бакич лукавил, указав, что Махин не является его непосредственным начальником, однако в данном случае для него цель оправдывала средства. Из Оренбурга телеграмму передали генералу Чечеку в Уфу и в Челябинск, по всей видимости, в штаб Чехословацкого корпуса. Интрига «обиженного» Бакича имела успех, через некоторое время Махина сняли, и Бакич стал самостоятельным начальником.

Уже 18 октября 1918 г. Махин получил назначение на должность командующего войсками Ташкентской группы и начальника 1-й Оренбургской казачьей пластуной дивизии с зачислением по Оренбургскому казачьему войску⁹⁰. 20 октября Махин выбыл в Ак-Булак⁹¹. Должности офицеров штаба дивизии и Ташкентской группы совмещались. Начальником штаба Махина стал его соратник по борьбе в Поволжье капитан М. Н. Руссет, позднее – штабс-капитан Касаткин. Бузулукскую группу возглавил полковник А. С. Бакич. К сожалению, практически никаких документов о деятельности Махина на новой должности не сохранилось.

Известно лишь, что Ташкентская группа Махина после перегруппировки должна была перейти в решительное наступление и взять город Актюбинск, приготовившись «к безостановочному продвижению на Ташкент»⁹².

Войсковой старшина Н. Н. Лесевицкий вспоминал, что по возвращении из Бузулука в Оренбург «был послан в Штаб Южного отряда полковника Махнина (здесь и далее – так в документе – авт.), мне было очень нужно и интересно туда поехать, т. к. в это время я был назначен нач[альником] артил[лерии] I-го Оренбургского казачьего корпуса, и наш корпус должен был занять как раз этот боевой участок. Махнин был С. Р.,⁹³ поэтому Дутов ему не доверял, и он вскоре принужден был уехать в Сибирь»⁹⁴.

Находясь именно на этой должности, Махин принял участие в заговоре против атамана А. И. Дутова. 18 ноября 1918 г. в результате переворота в Омске к власти пришел адмирал А. В. Колчак, ставший Верховным Правителем и Верховным Главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России. Это событие является одним из ключевых в истории Белого движения. По некоторым данным, в качестве возможных претендентов на пост Верховного Правителя накануне переворота его организаторами рассматривались кандидатуры Дутова, Генерального штаба генерал-лейтенанта В. Г. Болдырева и Войскового атамана Забайкальского казачьего войска полковника Г. М. Семенова. За кандидатуру Дутова выступал Войсковой атаман Сибирского казачьего войска генерал-майор П. П. Иванов-Ринов⁹⁵.

Реакция политических и военных деятелей востока России на омские события была далеко не однозначной⁹⁶. Психологически фронт к появлению диктатора был готов, – слухи о готовящейся диктатуре муссировались еще с лета 1918 г.⁹⁷ Одним из первых военных и политических лидеров востока России 20 ноября 1918 г. официально (Указ Войскового правительства Оренбургского казачьего войска № 1312⁹⁸) признал верховную власть Колчака и вошел в его оперативное подчинение атаман Дутов, что, во многом, повлияло на выбор остальных лидеров (неофициальное подчинение Дутова Колчаку, вполне возможно, произошло уже 19 ноября или даже 18-го, поскольку 19–20 ноября датирован телефонный разговор Дутова с Колчаком, в котором атаман уже говорит об исполнении приказов Колчака). Как вспоминал Г. К. Гинс, «Претендовать на звание Верховного Правителя он (Дутов – авт.) не собирался. Это связало бы его, как человека, любящего, прежде всего, независимость атамана. Он сразу признал адмирала, но от имени войск Оренбургского и Уральского он сделал запрос адмиралу по поводу отношения его к Учредительному Собранию, так как войска, якобы, волновались ввиду конфликта между адмиралом и Учредительным Собранием»⁹⁹.

Не смирившись с потерей власти после переворота в Омске 18 ноября 1918 г., социалисты предприняли ряд безуспешных попыток реванша. Одной из наиболее опасных для Белого движения можно назвать по-

пытку захвата власти в результате заговора против Войскового атамана Оренбургского казачьего войска и командующего войсками Юго-Западной армии генерал-лейтенанта А. И. Дутова в Оренбурге. Об этой и других попытках вооруженного реванша эсеров в союзе с лидерами национальных окраин и пойдет речь.

Вопросы военного планирования в партии социалистов-революционеров доверялись профессионалам. Функционировала специальная военная комиссия¹⁰⁰, в состав которой входил и Махин – один из главных участников заговора в Оренбурге. В историографии Махин зачастую изображается как жертва политических преследований, что, по всей видимости, связано с труднодоступностью и недостаточным количеством источников для объективной оценки его деятельности.

На самом деле никакой жертвой Махин не был, а вполне осознанно участвовал в подготовке переворота, представляя среди заговорщиков оппозиционные атаману Дутову силы в армейской среде.

Именно он являлся автором доклада о восстановлении Восточного фронта против германцев, будучи негласным консультантом Комуча¹⁰¹. Причем многие члены партии склонны были видеть в нем потенциального военного вождя. Даже после провала попытки реванша лидеры эсеров не скупилась на похвалы в его адрес. Вероятно, столь велики были их надежды на военные и организаторские способности Махина. В частности, председатель Комуча В. К. Вольский в своем докладе на заседании IX Совета партии эсеров (июнь 1919 г.) заявил: «Только один был у нас, один, чей образ светлым лучом врезался в каждого, кто только с ним встречался. Знаток военного дела, подлинный военный вождь, организатор, глубоко понимавший душу народа и знавший ключ к его душе, полный личного бесстрашия и храбрости и глубочайшей преданности идее демократического восстановления России – таков был незабвенный Федор Евдокимович Махин... Если кто достоин был стать военным руководителем, главою военного дела революционной демократической трудовой республики¹⁰², то это был Махин. Если кому и можно было вручить временную¹⁰³ и политическую диктатуру, то это только Махину, славному и честному демократу эсеру, редкостно мощной личности. Несчастье Комитета, который в военном деле вынужден был полагаться на эсеров Лебедева, Фортунатова, затем Взорова¹⁰⁴, не дало ему возможности поставить Махина в центр своего военного дела»¹⁰⁴. Как писал С. Н. Николаев, «после падения Уфы, в начале июля, Комитет мог ввести в органы центрального управления генерального штаба подполковника Ф. Е. Махина, но допустил ошибку, назначив его на фронт...»¹⁰⁵.

Итак, Махин принял участие в попытке социалистического реванша в Оренбурге. Этот офицер пользовался доверием другого участника заговора – башкирского лидера А.-З. Валидова¹⁰⁶. Махин – «очень ценный человек и мой личный друг», – писал Валидов¹⁰⁷.

В лице полковника Ф. Е. Махина партия эсеров имела своего верного сторонника, чего нельзя было сказать о других старших офицерах Народной армии, которые, как писал современник, «вели политику, для Комитета вредную, направляя свое внимание и усилия к укреплению Сибирского правительства, отвечавшего их привычкам и симпатиям»¹⁰⁸. Более того, некоторые офицеры «в прилегающих к Волге местностях... предпочитали идти на юг в добровольческую армию, несмотря на ее отдаленность, а не в народную, в надежность которой не верили, усматривая в общем курсе политики определенное партийное течение»¹⁰⁹. И, как позднее писал управляющий ведомством внутренних дел Комуча П. Д. Климускин: «... между Комучем и офицерством с самого же начала гражданского движения на Волге создалось взаимное непонимание, приведшее потом к полному расхождению»¹¹⁰. Не таков был Махин! Однако, и это признают практически все эсеровские мемуаристы, лидеры Комуча не оценили его по достоинству, когда у них на это было время и не доверили ему, по крайней мере, пост начальника штаба Народной армии, на который Махин вполне мог рассчитывать¹¹¹. Возможно, это произошло в связи с общим недоверием эсеров к военным. Уже осенью 1918 г. из штаба Махина сообщали: «Полковник Махин срочно выехал на фронт. Нам очень хотелось получить К.¹¹² полковник Махин назначен Командующим Ташкентской группой... возможно... желал бы[быть?] хоть на вашем¹¹³ фронте. Не знаю, считает ли он более важным оставаться на своем месте... мне же кажется, что он имеет основания думать о том, что его забыли. Сам же он этого не высказывал, не теряем надежды снова с Вами увидеться, хотя в дебри забрались мы порядочно. На нашем фронте наступила зима. Противник активен. Возможно в ближайшем будущем серьезное столкновение; чувствуем себя оторванными; не имеем сведений о происходящем. Прошу сообщить об общем положении, о союзниках и ваших планах действий...»¹¹⁴. К сожалению, подобные переговоры, где часть сведений подраשמывается или зашифрована, вызывают больше вопросов, чем дают ответов.

Не имея возможности повлиять на решение Дутова, эсеры предприняли попытку срыва его переговоров с Колчаком. Еще до 21 ноября произошел перерыв связи с Оренбургом¹¹⁵. Как впоследствии вспоминал Генерального штаба генерал-лейтенант Д. В. Филатьев, «антигосударственная партия[эсеров] и такой же Комуч... теперь с легким сердцем готовы были начать войну с тылом во имя торжества партийных догм, а если ее не открыли, то только потому, что за ними никакой силы не оказалось и надежда на какую-то мобилизацию «всех сил» не оправдалась, как не осуществилось желание втравить в борьбу с Омском чехов»¹¹⁶.

События в Оренбурге следует рассматривать как подготовку одного из эсеровских выступлений, заблаговременно раскрытую сторонниками омской власти. Об этом свидетельствует и высказывание В. М. Чернова

в беседе с делегатами английской независимой рабочей партии в апреле 1920 г. о том, что после событий в Екатеринбурге и Челябинске «борьба была перенесена в Оренбург»¹¹⁷. Хотя идея выступления в Оренбурге появилась у заговорщиков еще до директив ЦК ПСР.

Уже 19 ноября (впрочем, в том же деле есть и другая датировка разговора – 20 ноября) атаман Дутов сообщил Колчаку по прямому проводу, что «Комитет Учредительного собрания своими воззваниями мешает работать и нарушает спокойствие. Все идет из Уфы. Доношу, что во вверенной мне армии полный порядок. И я свято исполняю Ваши приказы[и] приму меры, чтобы армия не коснулась политики. Просил бы Ваши директивы по отношению гражданских управлений и населения. Как относятся союзники и Чешский совет? Как Америка, Италия и Япония[?] Я уверен, что чехи лишь по тактическим соображениям не говорят открыто, лишь в душе сочувствуют. Где генерал Болдырев и что он предпринимает[?] Сейчас перехватил радио о занятии союзниками Петрограда – буду проверять. Убедительно прошу ежедневных Ваших директив и полной информации, без чего сейчас нельзя. Могу ли рассчитывать на это[?] Счастливо оставаться. Атаман Дутов». Известен ответ Колчака: «...Всею душой благодарю Вас, господин атаман, за Ваше согласие работать со мной[ради] общей цели по спасению Родины. Из всех полученных мною заверений в поддержке и помощи от союзников и начальников частей мне особенно дорог Ваша помощь и поддержка как сильного защитника и первого защитника Родины, не прерывавшего борьбы с ее врагами. Вчера у меня была депутация представителей всех казачьих войск и сообщила мне солидарность со мной и готовность совместно работать. Препятствия к общественной безопасности исходят из указанного Вами источника, а также партии, связь с которой бывшего Правительства послужила причиной Омских событий. Очень озабочен этим вопросом, но затрудняюсь сообщить Вам свои соображения по[этому] поводу и пошлю Вам их шифром...»¹¹⁸.

Опасность оренбургского заговора для белых заключалась в том, что в числе его организаторов были представители нескольких разноплановых и достаточно влиятельных политических сил: член ЦК ПСР В. А. Чайкин, башкирский лидер А.-З. Валидов, казахский лидер и автономист М. Чокаев, представители оренбургской казачьей интеллигенции: командующий Ташкентской группой Юго-Западной армии Генерального штаба полковник Ф. Е. Махин и атаман 1-го (Оренбургского) военного округа полковник К. Л. Каргин. Несмотря на кажущуюся «реакционность» казачьей столицы, именно в Оренбурге заговорщики могли рассчитывать на поддержку воинских частей, входивших в состав Юго-Западной армии Дутова и непосредственно подчиненных ярим противникам оренбургского атамана Валидову и Махину. Захватив власть, заговорщики могли расколоть антибольшевистский лагерь на востоке

России и, тем самым, привести к падению всего Восточного фронта. Башкирский лидер А.-З. Валидов, судя по его воспоминаниям, ненавидел Колчака больше, чем многие эсеры и открыто называл его своим врагом¹¹⁹. Противоречия резко усилились после обнародования 21 ноября приказа Колчака о ликвидации казахского и башкирского правительств и о роспуске Башкирского корпуса. Впоследствии, в январе 1919 г. Башкирское правительство издало приказ о том, что считает этот приказ недействительным и приступает к восстановлению корпуса¹²⁰.

22 ноября в командование корпусом вступил сам Валидов. По мнению генерала Акулинина, Валидов вел постоянные переговоры по прямому проводу с членами Учредительного Собрания в Уфе¹²¹. Для координации подпольной работы в Оренбург прибыл член ЦК ПСР, лидер туркестанских эсеров, политик крайне левого толка В. А. Чайкин. Он был давним другом Валидова, и они легко нашли общий язык¹²². По поводу политических взглядов Чайкина депутат Е. Е. Лазарев в письме Е. К. Брешко-Брешковской от 6 ноября 1918 г. писал: «Непримиримо левым оказался член ЦК Чайкин, молодой, очень неглупый и человек настойчивый, который резко порицает ЦК за то, что тот допустил даже Уфимское совещание и явно участвовал в измене и предательстве Учредительного собрания и самой партии с.-р...»¹²³.

Вместе с еще одним будущим заговорщиком – депутатом от Ферганской области и вторым товарищем председателя Съезда членов Учредительного Собрания (от мусульманской фракции) Мустафой Чокаевым, Чайкин 22 ноября 1918 г. бежал из железнодорожного вагона, доставившего их из Екатеринбурга в Челябинск. Среди депутатов распространился слух, что всех их арестуют, и Чайкину с Чокаевым было поручено приготовить на всякий случай семь троек с надежными ямщиками¹²⁴. Они ушли из вагона со всеми своими вещами и больше в поезд не возвращались. Как писал М. Чокаев: «Мы теперь убедились, что совместная с белыми борьба против большевиков не приведет нас к нашей цели»¹²⁵.

Именно тогда, согласно воспоминаниям Чокаева, у них созрел план освобождения Туркестана от красных, для чего необходимо было смещение Дутова¹²⁶. Это решение, таким образом, было принято двумя депутатами вне связи с официальными директивами руководства партии и съезда. Если верить в этом отношении Чокаеву, то получается, что цели у всех заговорщиков были разные, но план действий один: смещение Дутова и восстановление власти Учредительного Собрания. Валидов позднее писал о событиях тех дней так: «Единственное, что можно было сделать для победы демократии – это, договорившись с верными демократической идее уральскими и оренбургскими казаками, отстранить генерала Дутова. Если бы это удалось, было бы восстановлено правительство Комуча, и красные могли бы быть снова отброшены за Волгу»¹²⁷. Конечно, наивно думать, что восстановление власти Комуча

могло способствовать каким-либо успехам на фронте (в этом вопросе приоритет явно за диктатурой), но в этой цитате – политическая программа заговорщиков.

Валидов лично инспектировал верные ему части на Актюбинском фронте 6 и 25 ноября, именно на фронте он встретился с будущими заговорщиками: полковниками Махиным и Каргиным (Каргин до революции некоторое время находился под негласным надзором полиции¹²⁸, а происходил из той же станицы Буранной, что и отец Махина) и представителями уральцев и договорился с ними о мерах против Дутова¹²⁹. Свержение Дутова, одним из первых признавшего Колчака, для оппозиции могло стать символом скорой победы и над самим Колчаком.

Таким образом, заговор стал складываться как минимум с 25 ноября. Такого же мнения придерживался и М. Чокаев, утверждавший, что «...переворот этот мог быть задуман только после прихода к власти адмирала Колчака»¹³⁰. Однако в мемуарах Валидова есть фраза, относящаяся уже к неудачному исходу заговора, которая дезавуирует предыдущее высказывание: «Так за несколько часов провалился план, который готовился в течение нескольких месяцев»¹³¹. В этом случае начало формирования заговора можно отнести к периоду августа-сентября 1918 г. – времени наиболее острого противостояния между Комучем и атаманом Дутовым, а приход к власти Колчака еще более способствовал консолидации левой антиколчаковской и антидутовской оппозиции. К сожалению, любые заговоры, особенно неудачные, оставляют после себя минимальное количество источников. Поэтому нельзя точно сказать, когда начал формироваться этот заговор.

Известно лишь, что уфимские эсеры активно участвовали в переговорах со своими сторонниками на Южном Урале. В ноябре 1918 г. М. А. Веденяпин вел переговоры по прямому проводу с полковником Махиным, сам факт участия в которых, на мой взгляд, является преступлением со стороны Махина, – армия не должна вмешиваться в политику. Есть данные о том, что эти разговоры были регулярными, однако сохранились тексты только двух из них. 6 ноября между Уфой и станцией Ак-Булак Ташкентской железной дороги, на которой находился Махин, состоялся первый документально подтвержденный разговор:

«Веденяпин. Здравствуйте, Федор Евдокимович, привет Вам от всех нас. Я Вас слушаю.

Махин. Доброе здоровье, Мих[аил] Александрович. Во-первых, я хотел ответить на Ваш вопрос[о] посредничестве[в] деле Майстраха¹³² с Петровичем.¹³³ Прибыть лично для переговоров не могу, говорить только по аппарату, во 2-х узнать от Вас об общем положении.

Веденяпин. Вас запросил, потому что Майстрах указал на Вас, сделал это только для формальности, знал заранее о неосуществимости суда. Общее положение таково. Временное Правительство на днях издаст акт

о ликвидации всех областных правительств, в том числе и нашего Совета. Сибирский аппарат Министров и административный переходят в распоряжение Вр[еменного] Пр[авительства], другими словами Сибирское Правительство становится Всероссийским (здесь и далее – подчеркнуто в документе – авт.). [В] Настоящее время на этом сосредоточено все внимание. [В] Настоящее время положение[для] нас значительно ухудшилось. Съезд в Екатеринбург приступил к работам. В Уфе нас четыре человека: Филипповский, Нестеров, Климушкин и я. На фронте у нас только добровольческие части Каппеля, Фортунатова, батальон Имени Учредительного Собрания и русско-чешский полк и ваши части. Есть приказ ген[ерала] Болдырева о прекращении формирования добровольческих частей и о роспуске имеющихся. Ижевск все еще борется, туда сегодня поехали Былинкин¹³⁴ и Несмеянов¹³⁵. Донской¹³⁶ шлет Вам привет и очень просит Вас приехать к нему в Советскую Россию. Прибыл курьер из Деникинской армии, который сообщает, что, якобы, армия насчитывает до 120 тысяч штыков.

Махин. Собственно на моем Ташкентском фронте мы заставили противника перейти к обороне. Менее успешно идут дела на Самарском фронте. Там инициатива в руках противника. Перспективы пока трудно там наметить, ибо они в значительной степени будут зависеть от числа союзнических войск, которые будут находиться в России. Лично я продолжаю пока не верить в близком будущем союзной помощи с их стороны, но твердый курс политики Временного Правительства заставляет думать, что у него есть большая реальная сила, вероятно, таящаяся где-либо в Сибири. Где генерал Галкин. Тогда трудно объяснить (на этом документ обрывается – авт.)¹³⁷

11 ноября Веденяпин в связи с распоряжением Омска о роспуске областных правительств беседовал с оренбургским представителем башкирского правительства: «В Омске Сибирское Правительство восторжествовало. Мы боимся, что не только будет ликвидирован Совет Управляющих, но будут также ликвидированы (здесь и далее – подчеркнуто в документе – авт.) договорные обязательства Комитета в частности и договор между Комитетом и Малой Башкирией и Алаш-Ордой. Поэтому необходимо нам солидарно действовать, чтобы наш договор не был нарушен. Считаю необходимым приезд Вашего представителя в Уфу»¹³⁸. Башкиры отправили своих представителей в Уфу, однако были слабо осведомлены о положении в Омске.

16 ноября Веденяпин беседовал с начальником штаба Махина: «У аппарата начальник штаба полковника МАХИНА. Командующий войсками полковник МАХИН дня три не получает от Вас информации. Поэтому поручил мне с Вами переговорить и справиться, когда последний раз Вами передавалась очередная информация и, если есть что-либо новенького, будьте добры передать, я запишу.

ВЕДЕНЯПИН. Очередная информация передавалась каждый день. Вчера последний раз была отправлена в 10 часов вечера. Сегодня мы справимся, куда делись посланные Вам телеграммы. Сейчас же абсолютно нет времени и трудно сообразить, что Вам в настоящее время передать. Вечером мы постараемся Вам все сообщить. Сердечный привет Федору Евдокимовичу.

Начальник Штаба. Благодарен. Последние сведения были получены от Вас от 13 числа. Очевидно они где-нибудь задерживаются, поэтому я просил бы Вас передавать нам сведения по прямому проводу. Сведения нам крайне необходимы, т. к. мы издаем газету «Ташкентский фронт» и нуждаемся в материале.

ВЕДЕНЯПИН. Постараемся. Провод часто бывает занят военными депешами, и это лишает нас возможности передавать непосредственно. Сейчас приму меры, чтобы Вы получили сведения.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА. Очень благодарен. Счастливо оставаться»¹³⁹.

Связь Махина с Уфой не прекратилась и после омского переворота. 19–20 ноября он вновь беседовал с Веденяпиным. Махин заявил: «Теперь на нас лежит большая задача спасти Россию и восстановить границы, как Франция восстановила в семьдесят первом году. Веденяпин. – Приезжайте к нам, Вас ждем. Все Вам шлем привет, в настоящее время на Самарском фронте развивается наше наступление и можно ожидать большой трепки большевикам (подчеркнуто в документе – авт.)». Махин ответил на это: «Ура. Будем стараться, только дальше от всех тех Самарских авторитетов, которые в верхах творят здания военной мощи России. К Вам постараюсь приехать. Держите крепко свое Знамя. До свидания»¹⁴⁰.

В ночь с 1 на 2 декабря 1918 г. (по другим данным, которые не представляется возможным проверить, 6 декабря¹⁴¹) заговорщики провели свое первое и последнее совещание в Оренбурге, в здании Караван-Сарая – резиденции башкирского правительства. Случайность или нет, но незадолго до совещания, 19 ноября 1918 г., комендант зданий Караван-Сарая Такиулла Алиев был произведен из подпоручиков в поручики и тем же приказом из поручиков в штабс-капитаны¹⁴². На совещании, по воспоминаниям одного из его участников, М. Чокаева, присутствовали: Валидов, Чокаев, Махин, Каргин и Чайкин¹⁴³. Однако, по мнению Генерального штаба генерал-майора И. Г. Акулинина, присутствовали также члены башкирского правительства, местные социалистические лидеры и несколько офицеров башкирских полков¹⁴⁴. К данному свидетельству следует относиться осторожно, так как сам Акулинин, разумеется, не являлся участником совещания и не мог в точности знать состав присутствовавших.

На совещании заговорщики утвердили состав будущего объединенного правительства трех стран (Казахстан, Башкурдистан, Казачье го-

сударство). Полковник Махин должен был стать главнокомандующим, атаман 1-го военного округа Каргин – Войсковым атаманом Оренбургского казачьего войска¹⁴⁵, Башкурдистан представлял Валидов, Казахстан – представитель Алаш-Орды в Оренбурге Сейдазим (Сейдазым) Кулмухамедович Кадирбаев (ранее – уполномоченный Комуча по Тургайской области, утвержден в должности 25 июля 1918 г. по представлению Дутова¹⁴⁶) и М. Чокаев (пост министра внешних связей), В. А. Чайкин также получил должность в этом правительстве. Позднее он писал, что в Оренбурге принимал «руководящее участие в подготовке восстания против атамана Дутова»¹⁴⁷. Есть сведения о нерешительности заговорщиков, – в частности, К. Л. Каргин предлагал повременить с арестом Дутова¹⁴⁸.

Во время совещания в Оренбурге были расквартированы четыре башкирских стрелковых полка (1-й, 2-й, 4-й и 5-й), Атаманский дивизион Оренбургского казачьего войска, 1-й Оренбургский казачий запасный полк, в котором обучались молодые казаки, конвойная сотня и караульная рота, а также артиллерийские и технические части¹⁴⁹. Таким образом, у заговорщиков, при опоре на башкирские части, были все основания рассчитывать на победу. Однако поручик Али-Ахмед Велиев (Ахметгали), по характеристике Валидова, – татарский купец из Челябинска¹⁵⁰, – донес о тайном совещании коменданту г. Оренбурга капитану А. Заваруеву. Тот, в свою очередь, предупредил об этом главного начальника Оренбургского военного округа Генерального штаба генерал-майора И. Г. Акулинина. Сразу же были приведены в боевую готовность Атаманский дивизион и запасный полк, установлено наблюдение за Караван-Сараем и казармами башкирских частей, в распоряжение коменданта города вызваны русские офицеры, служившие в башкирских полках. Поняв, что инициатива перешла к сторонникам Дутова, Валидов в полдень 2 декабря выехал из города, захватив все имевшиеся в наличии вагоны. Он остановился в селе Ермолаевка Оренбургского уезда. Так или иначе, попытка заговора против власти Дутова и Колчака не удалась.

2 декабря 1918 г. Дутов писал помощнику военного и военно-морского министра по казачьим делам генерал-майору Б. И. Хорошнину: «Меня травят везде и всюду, но, пока я на своем посту, – я не брошу борьбы, как бы тяжело и обидно подчас ни было. Казаки меня понимают. В самом Оренбурге тоже имею сильных врагов – атамана Каргина и полк[овника] Махина. Характеристику обоих спросите у Анисимова; я писать не буду: долго и много надо говорить. Башкурдистан сошел с ума и выразил неподчинение адмиралу; ну, да я очень-то не буду разговаривать, а вы там устройте так, чтобы им не давали денег на их дела, ибо это преступление – жить на российских хлебах и вести интригу и не подчиняться власти. Полки свои втянули в политику, и мне много

приходится тратить времени и труда, чтобы все это улаживать. Алаш-орда тоже шипит, а татарва уже заявила свой нейтралитет. Противно это все. Валидов это – одна сплошная глупость и недоразумение. Работы так много, что последние нервишки кончаю и устал безумно...»¹⁵¹.

Здесь имеет смысл привести оценку взаимоотношений Дутова и Махина, изложенную С. А. Щепихиным: «...двум медведям никак не ужиться в одной, хотя и родной обоим, но, видимо, тесной берлоге. Кроме того, Махин откровенный эс-эр, а Дутов[–] ренегат. Махин предатель, и ему не смыть этого антиэтического, по взглядам старого служаки Дутова, поступка. Кто раз изменил, изменит легко и в другой раз – не без основания сетовал Дутов. Махин в долгу не оставался и вел эс-эровскую пропаганду у своего союзника Дутова»¹⁵². Как бы плохо ни относился Щепихин к Дутову, очевидно, что в этой ситуации Махин поставил партийные интересы выше воинского долга. Достаточно редкий случай в истории русской армии.

В дальнейшем судьбы заговорщиков сложились по-разному. По имеющимся данным, атаман Каргин ездил по округу и агитировал казаков переходить к большевикам,¹⁵³ по постановлению окружного съезда 1-го военного округа он был смещен со своей должности и даже попал в тюрьму. В отсутствие Дутова был выпущен, затем вновь арестован и отправлен в Ставку¹⁵⁴. В итоге попал в плен к красным под Иркутском и, по некоторым данным, расстрелян в 1921 г. по приговору военного трибунала 5-й армии. Чокаев с супругой отправился в Гурьев и далее в Баку. Вадим Чайкин уехал вместе с ними¹⁵⁵. Башкирские части были выведены из Оренбурга на усиление Северного участка Юго-Западной армии, прикрывавшего территорию Башкирии¹⁵⁶. А.-З. Валидов через некоторое время перешел на сторону большевиков.

Существует легенда об аресте Махина и даже о его убийстве во Владивостоке или в Харбине сибирскими офицерами¹⁵⁷. Можно предполагать, что она была инспирирована воспоминаниями К. С. Бурего¹⁵⁸. На самом деле после провала заговора полковник Махин получил от штаба Юго-Западной армии предписание отправиться в Омск, ему была гарантирована полная безопасность. В приказе по штабу 1-й Оренбургской казачьей пластунской дивизии № 15 от 10 декабря 1918 г. сообщалось, что начальник дивизии полковник Махин убыл в служебную командировку в Омск и снимается с довольствия¹⁵⁹. На следующий день дивизия была упразднена. В командование Ташкентской группой вступил генерал-майор Г. П. Жуков.

В Омске Махин, по свидетельству Щепихина, якобы честно заявил Колчаку, что не может служить при диктатуре¹⁶⁰. Сложно сказать, насколько достоверно подробное описание долгое время сотрудничавшим с эсерами генералом К. Я. Гоппером преследований Махина в Омске. Гоппер писал, что приказ убить Махина был фактически санкционирован

начальником штаба Колчака Д. А. Лебедевым в присутствии генерал-квартирмейстера Ставки Генштаба полковника З. Ф. Церетели. Несмотря на все недостатки Лебедева как генштабиста, в это трудно поверить. Особую роль в организации убийства Махина, якобы, играл некий полковник Деммерт¹⁶¹. В связи с большой сомнительностью этих данных я не считал возможным цитировать Гоппера применительно к этому вопросу. Документально известно лишь то, что «с последним омским экспрессом во Владивосток... прибыл полковник генерального штаба Махин, в сопровождении конвоя, во главе которого находится штаб-капитан Степанов, известный своей борьбой с большевизмом. Полковник Махин выселяется за границу»¹⁶².

Период пребывания Махина в эмиграции является достаточно малоизвестным. По всей видимости, Махин первоначально отправился в Японию¹⁶³, а затем перебрался во Францию (Париж)¹⁶⁴. Он сотрудничал в издании партии социалистов-революционеров «Pour la Russie», направленном против «диктатуры генералов»¹⁶⁵, и «Воля России». В эмиграции Махин принадлежал к левому крылу партии, активно участвовал в работе «Административного центра» – эсеровской организации, направленной на свержение Советской власти и занимавшейся в том числе и разведывательной деятельностью на территории Советской России (одним из лидеров этой организации был А. Ф. Керенский). С ноября 1920 г. Махин состоял в коллегии службы связи центра¹⁶⁶. В ноябре 1920 г. Махин должен был отправиться в Софию для организации пункта связи на Одессу, Крым и Кавказ, однако был назначен руководством центра на работу в Париж¹⁶⁷. Затем Махин переехал в Прагу.

Когда началось Кронштадтское восстание, Махин и другие эсеры, оказавшиеся в те дни в Ревеле, должны были содействовать повстанцам. Полковник принимал участие в формировании эсеровских дружин и отрядов из числа бывших участников Белого движения на Северо-Западе России для содействия кронштадтцам¹⁶⁸. Кроме того, ревельская группа делала все возможное для осведомления общественности о восстании¹⁶⁹. Весной 1921 г. Махин полагал, что в России, наконец, назревает народное антибольшевистское движение¹⁷⁰.

Как опытный генштабист, он занимался расшифровкой писем, поступавших из Советской России¹⁷¹. Сохранились кодовые имена, присвоенные Махину и другим эсерам для секретной внутрипартийной переписки. Махина звали «Самуил», «Георг» и «Никанор»¹⁷². Некоторые названия довольно показательны. Для сравнения: Авксентьева звали «Розалия», социалистов – «бактерии», революцию – «буря», большевиков – «должники», контрреволюцию – «засуха», правых – «солитеры», а членов Учредительного Собрания – «патриции»¹⁷³.

На проходившем в Праге 16 – 24 ноября 1923 г. первом съезде заграничных организаций партии социалистов-революционеров Махин

избирается членом Областного Комитета заграничных организаций партии – руководящего партийного органа в зарубежье. В 1923 г. он заполнил опросный лист для вступления в чешский сельскохозяйственный союз, в котором отметил, что родился в Иркутске в 1882 г., до поступления в военное училище и на льготе занимался сельским хозяйством, владел домом в станице Оренбургской, обрабатывал свой пай¹⁷⁴.

В 1923 г. Махин переехал из Праги по приглашению королевского правительства¹⁷⁵ в Белград, где заведовал белградским отделением эсеровской организации Земгор (Объединенный комитет Земского и Городского союзов). После реорганизации в 1924 г. стал председателем Земгора в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (СХС, название Югославии до 1929 г.). Представительство Земгора в Белграде было официально открыто 19 мая 1924 г.¹⁷⁶ Одновременно Махин состоял и в чешском Земгоре¹⁷⁷. Он создал при этой организации бюро труда, курсы перекалфикации, русскую студию искусств,¹⁷⁸ театральную студию,¹⁷⁹ русскую библиотеку (не менее 12 тысяч томов), получавшую многие советские издания,¹⁸⁰ ряд мастерских и школ, научный институт по изучению России при Земгоре (возглавлял институт с 1927 г.). Земгор соперничал с правовыми организациями в борьбе за влияние в эмигрантской среде и, безусловно, играл важную роль в жизни русской эмиграции, оказывая помощь русским беженцам по самому широкому спектру вопросов, в том числе в трудоустройстве¹⁸¹. При белградском Земгоре Махин в 1927 г. создал «Союз увечных и престарелых воинов», в который входили, в основном, лица, исключенные из официальной белогвардейской организации «Союз русских военных инвалидов в который входили, в основном, лица, исключенные из официальной белогвардейской», а также лица, не признанные военными инвалидами¹⁸². К сожалению, перед немецкой оккупацией Югославии архив Земгора был, – видимо, из соображений безопасности – уничтожен¹⁸³.

Постепенно Махин переходил на все более левые позиции. Наиболее ярко политическая позиция Махина выражена в переписке, относящейся к периоду эмиграции. Так, 14 апреля 1924 г. Махин, находясь в Белграде, писал своему другу, бывшему управляющему ведомством финансов Комуча И. М. Брушвиту в Прагу о своей деятельности в Югославии: «Проделал большую работу, подготовил почву в правительств[енных] кругах и вдруг выйдет конфуз. Торжество у черносотн[ых] будет огромное, а вера в нас окончательно пропадет. Нужно сказать, что демократическая работа находится вся в зависимости от учреждения нашего представительства. Погибнет это дело – погибнет и надежда на какой-нибудь просвет у демократической части беженства»¹⁸⁴. Или еще одна не менее красноречивая цитата: «Пришлось здесь покупать литературу для М^{ВВ} Инстр[анных] Дел, чтобы выяснить связь монархистов с немцами. Стоит тоже сотни динаров. Но это расход, который нигде показать нельзя...»¹⁸⁵. По мнению лидера ПСР В. М. Чер-

нова, высказанному им в письме ЦК в начале 1921 г., Махин, как и сам Чернов, принадлежал к левому крылу партии¹⁸⁶.

В одном из своих первых официальных писем сербским властям по новой должности Махин писал: «Еще не подготовлен простор для демократизации эмигрантских масс. Официальные представители русской эмиграции – это худшие враги демократии... Деятельность этих русских политиков полна духа неслыханной злобы, нетерпеливости и желания мести. В Королевство СХС была частично пересажена дореволюционная самодержавная Россия, которая, честно говоря, очень похожа на большевистскую Россию. Официальные представители русских ненавидят либерализм и демократизм и смешивают их с большевизмом, который на самом-то деле – их дитя...»¹⁸⁷.

Махин в этот период еще резко критически отзывался о большевиках: «К сожалению, русская революция перешла границы исторически необходимого: ее судьба попала в руки политической партии, которая поставила на последнее место интересы России и русского народа, а на первое место выдвинула задачу использовать русскую революцию для разжигания пожара мировой революции. В этом пожаре роль России – быть угольком, который разожжет огонь, а сам превратится в пепел. Что ожидает Россию после их экспериментов, вожди большевизма прекрасно знали, но это им не мешало... Защитники русской демократии, которым были одинаково чужды и идеология, и практика абсолютизма, с одной стороны, и режим коммунистической диктатуры, с другой стороны, уверены, что идея демократии в конце концов победит...»¹⁸⁸.

Русская военная эмиграция поспешила отмежеваться от Махина. В редакцию белградской газеты «Новое время» 16 августа 1924 г. поступило следующее письмо: «М[илостивый] Г[осударь] Г-н Редактор. Не откажите поместить в Вашей газете нижеследующее разъяснение Районного Правления Общества офицеров Генерального штаба в Королевстве С.Х.С.: Ввиду поступающих в Районное Правление запросов, – как оно относится к деятельности в Королевстве С.Х.С. Генерального штаба полковника Махина, Правление сообщает: 1) Что полковник Махин членом Общества офицеров Генерального штаба в Королевстве С.Х.С. не состоит и 2) Что ни в какой связи с районным правлением он не находится и деятельность его ничего общего с деятельностью Районного Правления не имеет. Председатель районного правления генерал от кавалерии Драгомиров»¹⁸⁹. В августе 1925 г. на заседании Совета объединенных офицерских обществ в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев обсуждалась деятельность Махина. Было отмечено, что «многочисленные заявления русских офицеров и других воинских чинов свидетельствуют о том, что как Махин, так и возглавляемое им учреждение не пользуется доверием среди широких кругов русских офицеров, проживающих в Королевстве С.Х.С.»¹⁹⁰. Было постановлено довести до сведения правительства, что:

«1. г. Махин является представителем группы лиц, принадлежащих к партии социал-революционеров, один из главных руководителей которой г. Чернов во время Великой войны принял участие в преступном Циммервальдском съезде в Швейцарии, высказавшемся за необходимость п о р а ж е н и я (разрядка документа – авт.) в Великой войне России и ее союзников;

2. После отречения Государя Императора Николая II-го от Русского Престола партия социал-революционеров, во главе с г. Керенским, захватившим в свои руки государственную власть, привела Россию к большевизму.

3. В силу указанных причин, а также и того, что социал-революционеры и в настоящее время, продолжая свою прежнюю деятельность среди русской эмиграции, мешают ее работе на восстановление Родины. Представляемое г. Махиным течение встречает среди громадного большинства русских офицеров и русских людей глубоко отрицательное отношение и сам г. Махин, как человек, связанный партийно, не может быть беспристрастен к лицам несогласных с ним политических убеждений, а следовательно не может быть признан лицом, компетентным для того, чтобы давать о русских беспристрастные отвечающие действительности сведения. Уважающие себя русские офицеры не станут обращаться к г. Махину с просьбами о рекомендации, считая для себя такое обращение унижительным...»¹⁹¹.

Известно, что на Махина собирались компрометирующие материалы¹⁹². Подобная реакция белой эмиграции неслучайна. В одном из писем в конце 1924 г. прямо говорилось, что «можно было бы только смеяться... если бы от всех действий Махина не было бы угрозы вообще всему русскому делу... в эту минуту разглагольствование Махина... наиболее на руку лицам, враждебным русским»¹⁹³. Ярым противником Махина, поведшим против него целую кампанию, был видный дипломат, монархист, бывший русский посланник в Белграде В. Н. Штрандтман, возглавлявший Делегацию по защите интересов русских беженцев. Махин был даже арестован белградской полицией, но через два дня в результате вмешательства сербского МИДа отпущен¹⁹⁴. По некоторым данным, арест был осуществлен с целью заставить Махина не выступать против правого крыла эмиграции.

Махин был основателем толстого сербско-русского журнала «Руски архив» («Русский архив», 1928–1937 гг., всего вышло 42 выпуска), посвященного политике, культуре и экономике России (главный редактор – видный эсер В. И. Лебедев) и «Общества для изучения советской культуры». В «Русском архиве» публиковались его статьи по военно-политическим вопросам и рецензии¹⁹⁵. Сам журнал министерством просвещения рекомендовался всем школам Югославии для знакомства с «братской Россией», и, судя по всему, был больше востребован сербской аудиторией, чем русской.

Из работ Махина, относящихся к этому периоду, наиболее крупными являются очерки «Военная мощь России», «Стратегическая обстановка на Дальнем Востоке» и «Стратегическое положение современной России», опубликованные в сборниках «Проблемы», издававшихся в Париже¹⁹⁶. Произведения Махина на военно-политические сюжеты представляют собой серьезные аналитические очерки с многочисленными выкладками, характеристикой экономики, театра военных действий, армии, военной техники, снабжения, планов сторон. В своих работах этого периода Махин давал положительную оценку развитию СССР, что свидетельствует о значительной эволюции его политических взглядов. Неудивительно, что в правых кругах эмиграции Махина считали едва ли ни большевистским агентом¹⁹⁷.

Еще в 1934 г. Махин писал о неизбежности конфликта между СССР и Японией, критиковал японский империализм, отстаивая интересы своей родины. Война на Дальнем Востоке, по прогнозу Махина, должна была, по причине обширности театра военных действий, стать маневренной. Небезынтересно, что Красную армию Махин называл русской¹⁹⁸. В трудах генштабиста содержался анализ важнейших военно-политических исследований тех лет — работ А. А. Свечина, Б. М. Шапошникова, Г. Гудериана и других. На высоком профессиональном уровне Махин рассматривал такие вопросы, как размещение промышленности в СССР, состояние военной техники, авиации, флота. В 1935 г. он прогнозирует войну СССР с Германией. В отличие от многих военных аналитиков русской эмиграции, в преддверии будущей войны Махин возлагал особые надежды на советскую молодежь, которая была, по его мнению, проникнута идеями патриотизма и энтузиазмом в отношении защиты своей страны.

Любопытны суждения Махина в статье «Военная мощь России». Он писал: «Временное правительство не смогло создать новую армию на началах, вытекавших из новых идей и воплощавших новый дух страны. Результатом этого явилось дальнейшее углубление революции, закончившееся Брест-Литовским договором... Старая Россия прекратила свое существование. Разгоревшаяся гражданская война продолжила дело ее разрушения»¹⁹⁹. Другие высказывания Махина еще интереснее: «Мы можем, не впадая в преувеличение, сказать, что **никогда, начиная со времени Петра Великого, в нашей стране не придавалось такого значения армии, и никогда страна не приносила для нее таких огромных жертв, как в течение протекшего десятилетия** (выделено Махиным — авт.)»²⁰⁰. По мнению Махина, «чудовищные темпы индустриализации... Продиктованы одной лишь необходимостью обеспечить новую вооруженную силу государства всеми средствами современной техники...»²⁰¹. Подводя итог, Махин отметил: «На обширных русских границах стоит новый страж, сменивший старую русскую

армию с ее двухсотлетней боевой историей. Задача его остается прежняя: защита целостности государства и неприкосновенности его границ. Новому стражу суждено, быть может, в недалеком будущем выполнить свою тяжелую задачу перед страной. Все, для кого отечество не пустой звук, в этот решающий судьбу России момент, должны чувствовать себя обязанными сделать все, чтобы новый российский страж мог с честью, присущей великой стране, выполнить свой исторический долг»²⁰². Подобный вывод находился в полном противоречии с идеями, которые исповедовала основная масса русской военной эмиграции, стремившаяся в предстоящей войне ради свержения большевистской власти поддержать внешнего врага СССР.

С 1934 по 1938 г. Махин являлся хранителем архива партии социалистов-революционеров, что свидетельствует об особом доверии к нему со стороны партийного руководства. Активно занимаясь публицистикой, он посылал корреспонденции и в газету «Новое русское слово».

8 мая 1929 г. Махин вступил в ряды мasonicкой ложи Слога²⁰³, в 1933 г. состоял в ложе в Земуне. Это можно объяснить желанием установить неформальные контакты с местной элитой. В 1920–1930-х гг. Махин часто ездил в Прагу и Париж, что, очевидно, было связано с его политической деятельностью. Несмотря на эсеровские убеждения, он оставался верующим человеком. Как вспоминал один из современников, «Махин — старовер, который сохранил все русские черты и стать, и если на него одеть шапку стрельца, то не нужно и грима, был бы живой памятник Москве 17 века»²⁰⁴.

Как уже сказано нами, Махин не присоединился к той части эмиграции, которая для борьбы с большевистским режимом готовилась поддержать любого внешнего врага СССР²⁰⁵. В 1932 г. он, наряду с некоторыми другими эсеровскими деятелями, подписал резолюцию по поводу японской оккупации Маньчжурии. Резолюция призывала в случае войны между Японией и СССР «быть со своим народом и препятствовать всеми способами попыткам захвата принадлежащих России территорий»²⁰⁶. В 1936 г. Махин был среди подписавших заявление «Россия под угрозой войны и эмиграция». В заявлении содержался призыв поддержать СССР в случае возможной войны. Он не только писал в оборонческий сборник «Проблемы», три выпуска которого были напечатаны в 1934 и 1936 гг. в Париже, но и состоял членом редколлегии. Эти сборники, по сути, являлись апологией советского режима.

В конце 1930-х гг. Махин далее эволюционировал влево. Он был идейно близок Республиканско-демократическому объединению в Париже, в 1938 г. участвовал в работе Оборонческого движения и опубликовал в Париже книгу «Красная армия», прославлявшую советские вооруженные силы²⁰⁷. Как свидетельствовали его соратники, Махин вошел в сталинистски настроенное крыло партии.

Наконец, в 1939 г. Махин порвал с эсерами и вступил в ряды Коммунистической партии Югославии²⁰⁸, находившейся тогда в подполье. Неудачно были обнародованы данные о том, что Махин сотрудничал с советской разведкой. Как крупный военный аналитик, он заинтересовал итальянскую разведку, которая стремилась установить с ним контакт. Но в итоге контакт был установлен через советского нелегала Р. Бирка. Сам Махин сумел завербовать некоего агента «Милка» из группы советского нелегала «Крума», занимавшегося Балканами²⁰⁹. Очень скоро на крючке у всесильного НКВД оказался и Махин.

В апреле 1941 г. после нападения немцев на Югославию, он примкнул к сербским четникам из армии генерала Дражи Михайловича и ушел с ними в Сараево. Затем Махин попал в горные районы Черногории. Впрочем, во фрагментах своего дневника за 1941 год, которые были опубликованы в 1945 г. в газете «Красная звезда», Махин ни словом не обмолвился о прежней службе у четников. Он написал, что 8 апреля 1941 г. покинул Белград и бежал в Сараево. В июне Махин находился уже в Черногории. С началом немецкой оккупации он ушел в подполье. Ни гестапо, ни сербская Специальная полиция не смогли тогда поймать ни Махина, ни его помощника по разведывательной деятельности В. А. Лауданского²¹⁰. Когда началось партизанское движение, пригодились военные знания полковника. В рядах четников он возглавил достаточно крупный отряд²¹¹. Интересно, пришлось ли ему тогда вспомнить своего соратника по борьбе на Волге в 1918 г., черногорца полковника А. С. Бакича – выходца из этих мест?!

В том же 1941 г., как свидетельствует дневник Махина²¹², бывший полковник русского Генштаба перешел на сторону И. Б. Тито и выступил одним из организаторов партизанского движения в Югославии. Роль Махина при Тито совершенно неизвестна даже специалистам, но, по совокупности имеющихся сведений, она была весьма велика. Достаточно отметить, что в октябре 1942 г. Махин жил вместе с Тито и его ближайшими соратниками в одном вагоне. Всего в вагоне размещалось 13 человек, включая самого Тито и его любовницу и секретаря Зденку (настоящее имя и фамилия – Даворианка Паунович)²¹³. Махин состоял военным советником при Верховном штабе Тито, став одним из его ближайших соратников. Парадокс истории – участник Белого движения на Востоке России Махин и югославянский интернационалист Тито, боровшийся в Сибири с белыми!²¹⁴

Новейшие публикации до сих пор еще не полностью рассекреченных документов Коминтерна свидетельствуют о нелегальной деятельности Махина. Документы о ней хранятся в Москве в фондах Российского государственного архива социально-политической истории. И. Б. Тито, являвшийся одним из видных деятелей Коминтерна, информировал Москву об участии полковника Махина в партизанском движении. Тито,

носивший в шифрованной коминтерновской переписке кодовое имя «Вальтер», сообщал в конце августа 1942 г., что Махин был в плену у четников, но его, якобы, удалось освободить. Утверждая, что Махин «держится хорошо», Тито все же просил навести о нем справки в НКВД²¹⁵. Из Москвы была передана информация о сотрудничестве Махина с советской разведкой. Тито должен был обратиться к Махину при помощи пароля: «Привет от товарища Правдина, я пришел продолжать работу, которую проводил с Вами Правдин». Органы советской разведки (кодовое наименование «соседи») проявили большую заинтересованность и просили выяснить возможности Махина в отношении взаимодействия с Дражей Михайловичем. Москва хотела знать, может ли Махин вернуться к Михайловичу или на оккупированную территорию и осуществлять оттуда связь. Вскоре последовало уточнение – нужно было предложить Махину ведение разведывательной работы на территориях, занятых немцами и итальянцами. Предполагалось, что Федор Евдокимович будет организовывать засылку агентов в соседние страны и поддерживать с ними связь. Другим возможным направлением его деятельности должна была стать работа по разложению четников Михайловича. В Москве даже предлагали, чтобы Махин организовал похищение одного из ближайших соратников Дражи. Неутомимый полковник получил в Коминтерне кодовое имя «Марс». Москва в шифровке от 26 сентября 1942 г. предостерегала Тито: «...учтите, что Марс, хотя и проверен на работе соседями, но все же он не является их кадровым представителем, поэтому за ним нужен контроль в форме, не могущей его обидеть»²¹⁶. Таким образом, сотрудничество Махина с советской военно-политической разведкой, а именно такие функции выполнял в это время Коминтерн, является документально доказанным.

Махин работал в отделе радио и пропаганды штаба Народно-освободительной армии Югославии (по некоторым данным, заведовал им), в этот период он сотрудничал с газетами и журналами, составлял недельные обзоры положения на советском фронте, готовил информационные материалы для радиостанции «Свободная Югославия»²¹⁷. Затем он стал начальником исторического отделения Генерального штаба югославской армии. Одновременно писал большие пропагандистские статьи о Суворове и Фрунзе, активно занимался издательской деятельностью. В 1945 г. в Белграде была опубликована его брошюра «Наша регулярная армия». Кроме того, перу Махина принадлежат еще несколько произведений на сербском языке²¹⁸. Махин получил у югославов прозвище «атаман». Он считался в штабе Тито человеком высокообразованным, обладавшим широким кругозором и большим патриотом²¹⁹. Махин был в дружеских отношениях с начальником югославского Генерального штаба генералом Арсо Йовановичем.

В феврале 1944 г. его произвели в генерал-лейтенанты югославской армии, причем И. Б. Тито лично уведомил Махина об этом 24 февраля

1944 г.²²⁰ Махин верил в демократизацию большевизма и в 1944 г. посетил СССР. Деятельность Махина была отмечена высшими орденами, установленными коммунистическим режимом в Югославии, а также советским орденом Ленина. По окончании Второй мировой войны Федора Евдокимовича назначили начальником военных архивов Югославии. В этот период он сотрудничал с коммунистической газетой «Борьба», способствовал возвращению в СССР части золота, вывезенного чехами из Сибири²²¹.

Махин неожиданно заболел и скончался в Белграде 2-го (по другим данным, 3-го) июня 1945 г. вскоре после возвращения из командировки в СССР. Подобное совпадение вызвало разного рода версии о том, что смерть генерала не была естественной. Как бы то ни было, Махин был похоронен на белградском Новом кладбище на аллее народных героев как национальный герой Югославии, его именем была названа одна из улиц Белграда. Впрочем, в конце XX в. название в связи со сменой государственной идеологии переименовали²²².

Жену Махина звали Устинья Митрофановна, она подарила мужу троих сыновей (Петра, родившегося 27 июня 1900 г., Георгия, родившегося 25 ноября 1902 г. и Михаила, родившегося 12 января 1907 г.). Предположительно дочь Махина, Вера, училась в 1941 г. в Русско-Сербской женской гимназии в Белграде²²³. Жена Махина, также как и он сам, происходила из старообрядческой семьи, признававшей священство. После революции семья Махина осталась в Советской России, и Федор Евдокимович всячески пытался перевезти своих близких к себе, используя для этого свои связи с чехами (со времен Гражданской войны) и соратниками по партии²²⁴. К сожалению, осуществить это так и не удалось.

По свидетельству сослуживца Махина генерала П. С. Махрова, «в эмиграции он резко отмежевался от организаций, враждебных Советской России, и стал сотрудничать с Союзом Оборонческого движения, борясь против эмиграции, пораженчески настроенной».

Он любил Россию и болел душой, когда нашей родине грозила опасность с Востока и с Запада. Он изучал то, что происходило в [Советской] России и написал книгу о Красной Армии. Когда грянула война, Федор Евдокимович ушел с патриотами-сербам бороться против гитлеровской армии, создавая, что одновременно он служит и своей Родине. Он был счастлив дожить до дня, когда он увидел свое отечество во славе. В частной жизни Федор Евдокимович был добрейшей души человеком, а если кого он полюбил, то был ему верным другом до гроба. У него было два сына, оставшиеся в СССР, о судьбе которых до последней войны он ничего не знал. Мир праху твоему, мой дорогой друг²²⁵.

Жизненный путь полковника Махина в высшей степени парадоксален и нетипичен для русского офицера и генштабиста. Принадлежность к оренбургскому казачеству, очевидно, не была для него определяющей.

По всей видимости, доминирующими для его самоидентификации стали сначала принадлежность к корпорации генштабистов, а затем и партийная принадлежность к партии эсеров. После 1918 г. Махин уже никогда не был своим для русских офицеров. Измена большевикам сделала почти невозможным для него возврат в РККА. Зарекомендовав себя летом 1918 г. на Волге неплохим военачальником, популярным народным вожаком, Махин из-за своих политических убеждений и формально очередной измены (на этот раз уже антибольшевистскому лагерю) не сумел, в отличие от своих сверстников, получить генеральский чин и сделать более впечатляющую карьеру у белых. Однако не стал он своим и для социалистов-революционеров, на что, вероятно, рассчитывал, – его новые «друзья» рассматривали Махина как потенциального контрреволюционера. Как справедливо отмечает А. В. Посадский, размышляя о другом офицере схожей судьбы, на примере таких людей «просматривается не полу ившее развитие направление антибольшевистской борьбы – через народную инициативу без эсеровского политиканства, без пафоса вождизма и без пиетета перед либеральной псевдообщественностью»²²⁶.

Финальный бросок в объятия коммунистов не сулил Махину никаких выгод. До сих пор неясны обстоятельства его смерти по возвращении из СССР. Безусловно, действия Махина укладываются в некую систему и внутренняя логика в них присутствует. Но, как представляется, его судьба – наглядный пример жизненного пути «лишнего» человека, проведшего всю жизнь в мучительных и часто бессмысленных исканиях, почти всегда во вред самому себе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В этом смысле деятельность Махина, очевидно, перекликается с линией поведения другого офицера-генштабиста, имевшего вкус к политической деятельности социалистического направления и к работе с крестьянами – В. К. Манакина (подробнее см.: *Посадский А. В.* От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. М., 2010. С. 147–152; Он же. Генерального штаба полковник Виктор Константинович Манакин: штрихи к биографии // Труды III международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина (1875–1944). Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 года. СПб., 2013. С. 236–253).

² *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006; Он же. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004; Он же. Судьба Генерального штаба полковника Ф. Е. Махина // Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 54–58; Он же. «...От мысли, что рядом со мною в казачьей форме сидит тайный эсер, я был далек» (Ф. Е. Махин) // Военно-исторический журнал. Интернет-приложение. 2006. № 3; Он же. Попытка свержения атамана А. И. Дутова в Оренбурге в декабре 1918 г. // История белой Сибири: Материалы 5-й международной научной конференции 4–5 февраля 2003 г. Кемерово, 2003. С. 151–154; Он же. Заговор против атамана Дутова в воспоминаниях очевидцев // Археография Южного Урала. Материалы Третьей Межрегиональной научно-практической конференции 30 сентября 2003 года. Уфа, 2003. С. 27–36;

- Он же. Вожди антибольшевистского движения оренбургского казачества в Николаевской академии Генерального штаба, 1901–1914 гг.: Опыт историко-психологического исследования // Русский сборник. Исследования по истории России XIX – XX вв. Т. 1. М., 2004. С. 152–196; *Гайин А. В.* „Свой межу туђима, туђ межу својима“: пуковник Фјодор Махин // *Векови. Историски часопис Андрићевог института (Андрићград)*. 2014. № 1. С. 115–160; *Каминский В. В.* Почему генштабист РККА Ф. Е. Махин «открыл ворота» Уфы белому Комуцу 4 июля 1918 г.? // История белой Сибири. Материалы 5-й международной научной конференции. 4–5 февраля 2003 года. Кемерово, 2003. С. 140–147; *Кобзов В., Кузнецов В.* Зигзаги судьбы казаков Махиных // *Гостинный двор (Оренбург)*. 2000. № 9. С. 97–104; *Тесемников В.* Югорская одиссея Федора Махина // *Родина*. 2007. № 8. С. 93–97.
- 3 РГВА. Ф. 1412(К). Оп. 1. Д. 13336. Л. 48.
 - 4 *Махров П.* Памяти Ф. Е. Махина // *Русские новости (Париж)*. 1945. № 16. 31.08. С. 6; *Кобзов В., Кузнецов В.* Зигзаги судьбы казаков Махиных // *Гостинный двор (Оренбург)*. 2000. № 9. С. 98–99; *Серков А. И.* Русское масонство 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 530.
 - 5 *Ремизов А. М.* Огонь вещей. М., 1989. С. 397.
 - 6 Приказы по первому отделу Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1909. С. 159.
 - 7 РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 63. Л. 96.
 - 8 Там же. Л. 100.
 - 9 РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Д. 5713. Л. 10б.
 - 10 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1400. Л. 42.
 - 11 РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184169. Послужной список № 243–230. Л. 72.
 - 12 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1420. Л. 70.
 - 13 Там же. Л. 62.
 - 14 РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184169. Послужной список № 243–230. Л. 72.
 - 15 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1432. Л. 8.
 - 16 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1360. Л. 297.
 - 17 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1453. Л. 5.
 - 18 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1343. Л. 149.
 - 19 *Махров П. С.* В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 183; *Кабаков А. М.* Русское белое зарубежье о политической роли Красной Армии в Советской России. 1921–1924 гг. Дисс. к. и. н. Орел, 2005. С. 47.
 - 20 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1467. Л. 7.
 - 21 Там же. Л. 15.
 - 22 Там же. Л. 7.
 - 23 Там же. Л. 110б, 200б, 680б, 111.
 - 24 РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184169. Послужной список № 243–230. Л. 73.
 - 25 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1295. Л. 160.
 - 26 Высочайший приказ от 29 августа 1916 г. // Высочайшие приказы о чинах военных. 1916. Август (Библиотека РГВИА. Инв. № 14834). С. 44.
 - 27 *Поляков-Литовцев С. Л.* Из воспоминаний журналиста // *Последние новости (Париж)*. 1935. № 5087. 26.02. С. 2.
 - 28 РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 125. Л. 97.
 - 29 Белосемиграница у Югославии 1918–1941. Т. 2. Београд, 2006. С. 188.
 - 30 РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Д. 5713. Л. 20б.
 - 31 По другим данным, еще в 1906 г. (Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сб. док. М., 2002. С. 895). Впрочем, вступление Махина в партию эсеров в 1906 г. кажется маловероятным, поскольку легко могло стать известным властям, после чего Махину пришлось бы распрощаться с военной

- службой и, вероятно, оказаться в заключении. Есть указания и на то, что Махин познакомился с партией эсеров во время обучения в академии Генерального штаба, а вступил в партию в годы Первой мировой войны – Белосемиграница у Югославии 1918–1941. Т. 2. Београд, 2006. С. 188. Эти данные не противоречат вероятному вступлению Махина в партию в 1917 г.
- 32 *Махров П.* [С.] Памяти Ф. Е. Махина // *Русские новости (Париж)*. 1945. 31.08. № 16. С. 6.
 - 33 *Лебедев В. И.* Борьба русской демократии против большевиков. Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири. Нью-Йорк, 1919. С. 21; *Майский И. М.* Демократическая контрреволюция. М.-Пг., 1923. С. 151–152.
 - 34 Семенов (Васильев) Г. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–18 гг. Берлин, 1922. С. 15.
 - 35 РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 357.
 - 36 РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96. Л. 680б.
 - 37 *Чернов В. М.* Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 368–369; *Каревский А. А.* Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Зима-осень 1918 г. Автореф. дисс. к. и. н. М., 2001. С. 11.
 - 38 Гражданская война в Поволжье. 1918–1920. Казань, 1974. С. 63.
 - 39 Семенов (Васильев) Г. Указ. соч. С. 40.
 - 40 *Ненароков А. П.* Восточный фронт. 1918. М., 1969. С. 101.
 - 41 РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 178. Л. 580б.
 - 42 *Чечек С.* От Пензы до Урала (Доклад, сделанный в Обществе Участников Волжского Движения) // *Воля России (Прага)*. 1928. № 8–9. С. 264.
 - 43 ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 764. Л. 24.
 - 44 В оригинале ошибочно «кривой».
 - 45 Имеется в виду В. К. Вольский.
 - 46 ГАРФ. Ф. Р-127. Оп. 1. Д. 3. Лл. 25–27.
 - 47 *Майский И. М.* Указ. соч. С. 152.
 - 48 *Каревский А. А.* В. О. Каппель и Народная армия: к истории антибольшевицкой борьбы в Поволжье в 1918 г. // *Каппель и каппелевцы*. М., 2003. С. 367–368.
 - 49 ГАРФ. Ф. Р-127. Оп. 1. Д. 8. Лл. 99–990б.
 - 50 Список войсковых частей, учреждений и заведений Народной армии. Составлен к 15 августа 1918 года. Публ. А. А. Каревского // *Белая гвардия. Исторический альманах*. 1999–2000. № 3. С. 99.
 - 51 РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 1. Л. 190б.
 - 52 *Каревский А. А.* К истории Поволжской Народной армии Комитета членов Учредительного Собрания // *Белая гвардия. Альманах*. 1998. № 2. С. 8; *Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия*. М., 1987. С. 581.
 - 53 ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 387. Лл. 30б–4; Из архива В. И. Лебедева. От Петрограда до Казани // *Воля России (Прага)*. 1928. № 8–9. С. 193–194.
 - 54 ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 387. Л. 18.
 - 55 ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 764. Л. 22.
 - 56 РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 1. Л. 130б.
 - 57 Там же. Л. 14.
 - 58 Там же. Л. 59.
 - 59 Там же. Л. 440б.
 - 60 ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 14.
 - 61 *Голеевский Н. Н.* Лето на Волге 1918 год // *Russian Emigre Archives*. Vol. 2. Fresno, 1973. С. 251.
 - 62 Гражданская война в СССР. Т. 1. Подавление внутренней контрреволюции. Срыв открытой интервенции международного империализма (октябрь 1917 г. – март 1919 г.). М., 1980. С. 185.

- 63 Чернов В. М. Указ. соч. С. 382.
 64 ГАРФ. Ф.Р-5881. Оп. 1. Д. 764. Л. 41.
 65 Голеевский Н. Н. Указ. соч. С. 254.
 66 РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 1. Л. 41об.
 67 Подполковник Махин // Возрождение (Симбирск). 1918. № 28. 25.08. С. 2.
 68 Филлимонов Б. Б. Белая армия адмирала Колчака. М., 1997. С. 40.
 69 РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 1. Л. 51об.
 70 РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 16. Л. 119.
 71 Кутяков И. С. Боевой путь Чапаева. Изд. 4-е. Куйбышев, 1969. С. 37.
 72 Хлебников Н. М., Евлампиев П. С., Володихин Я. А. Легендарная чапаевская. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1970. С. 61.
 73 РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 17. Лл. 241–241об.
 74 Там же. Л. 6.
 75 Там же. Лл. 233–233об.
 76 Там же. Лл. 182–182об.
 77 РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 7. Лл. 212–212об.
 78 ГАРФ. Ф.Р-749. Оп. 1. Д. 51. Лл. 157–157об., 158об. (частичную публикацию этого документа см.: Капель и каптелевцы. М., 2003. С. 665–666).
 79 ГАРФ. Ф.Р-10055. Оп. 2. Д. 7. Л. 12об.
 80 РГВА. Ф. 39944. Оп. 1. Д. 1. Лл. 40–41.
 81 Там же. Л. 41об.
 82 ГАРФ. Ф.Р-10055. Оп. 2. Д. 7. Лл. 5об., 10об.
 83 РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 7. Лл. 219об.–220.
 84 Там же. Л. 92об.
 85 Там же. Лл. 91, 92, 362.
 86 РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 7. Л. 72. В этой связи представляется не заслуживающим доверия утверждение военного комиссара 214-го Симбирского полка Н. И. Кирюхина о захвате частями РККА в Кинеле огромного количества трофеев (Кирюхин Н. И. Из дневника военного комиссара. Гражданская война 1918–1919 годов. М., 1928. С. 10).
 87 РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Лл. 3–5.
 88 Штаба фронта.
 89 РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 25. Лл. 14–22.
 90 Приказ по Оренбургскому казачьему войску № 326. 18 октября 1918 года (РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 16. Л. 189).
 91 РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 13.
 92 Приказ войскам Юго-Западной армии 1918. 26. 10. № 27 (РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 14об.).
 93 Т. е. член партии эсеров.
 94 РГВА. Ф. 7. Оп. 5. Д. 180. Л. 302.
 95 Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Ч. 2. В преддверии диктатуры. Белград, 1930. С. 108.
 96 Подробнее см.: Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006.
 97 ГАРФ. Ф.Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 36.
 98 Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.Р-1912. Оп. 2. Д. 23. Лл. 367–367об.
 99 Гинс Г. К. Указ. соч. Т. 2. Ч. 2. Верховный Правитель. С. 8.
 100 Семенов (Васильев) Г. Указ. соч. С. 24.
 101 Чернов В. М. Указ. соч. С. 371.
 102 Вероятно, опечатка, правильнее – «военную».
 103 Взоров В. – поручик, член партии социалистов-революционеров, помощник Н. А. Галкина по должности управляющего военным ведомством Комуча, фактически исполнявший обязанности комиссара при нем.

- 104 Судьба Учредительного собрания. Доклад председателя Комуча В. К. Вольского. Публ. С. А. Павлюченкова // Исторический архив (Москва). 1993. № 3. С. 138.
 105 Николаев С. Н. Политика «Комуча» (Опыт характеристики) // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. первый. Прага, 1930. С. 140.
 106 РГВА. Ф. 461(К). Оп. 2. Д. 142. Л. 18.
 107 Тоган З.-В. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997. С. 174.
 108 Николаев С. Н. Политика «Комуча» (Опыт характеристики) // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. первый. Прага, 1930. С. 142.
 109 Лейтенант Н. Н. Записки белогвардейца // Архив русской революции. Т. 10. Берлин, 1923. С. 84.
 110 Климушкин П. Д. Борьба за демократию на Волге // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. первый. Прага, 1930. С. 90.
 111 Николаев С. Н. Политика «Комуча»... С. 140; Майский И. М. Указ. соч. С. 151.
 112 Возможно, это аббревиатура от фамилии Климушкин.
 113 Видимо, речь идет о Самарском фронте.
 114 ГАРФ. Ф.Р-144. Оп. 1. Д. 22. Л. 53.
 115 РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 27. Л. 18.
 116 Филатьев Д. В. Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922. Воспоминания очевидца. Париж, 1985. С. 36.
 117 Протокол свидания Чернова с членами английской делегации, обнаруженный при аресте члена партии с.-р. т. Гончарова 23 VI (1920 г.) // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. Сост. н. Д. Ерофеев. М., 2000. С. 651.
 118 ГАРФ. Ф.Р-144. Оп. 1. Д. 22. Лл. 34, 36 (с некоторыми искажениями опубликовано в кн.: Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002. С. 307–308).
 119 Тоган З.-В. Указ. соч. С. 175.
 120 РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 3. Л. 112.
 121 Акулинин И. [Г.] Колчак и атаман Дутов... // Возрождение (Париж). 1930. № 1711. 07.02. С. 2.
 122 Тоган З.-В. Указ. соч. С. 106, 117–118.
 123 Окончательная гибель Всероссийского Учредительного Собрания. Сентябрь-декабрь 1918 г. Публ. И. Ф. Плотникова // Исторический архив (Москва). 1999. № 4. С. 150.
 124 Святацкий Н. [В.] Указ. соч. С. 114.
 125 РГВА. Ф. 461(К). Оп. 2. Д. 142. Л. 18.
 126 Там же.
 127 Тоган З.-В. Указ. соч. С. 185.
 128 ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 420. Лл. 278–278об.
 129 Тоган З.-В. Указ. соч. С. 187.
 130 РГВА. Ф. 461(К). Оп. 2. Д. 142. Л. 17.
 131 Тоган З.-В. Указ. соч. С. 187.
 132 Речь идет о неком Владимире Майстрахе (Майстрахове) – деятеле партии эсеров, позднее перешедшем к большевикам (См. также РГВА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 36. Л. 101).
 133 Кто такой «Петрович» установить не удалось, однако из других документов известно, что он играл важную роль в военной организации ПСР, в частности, после переворота в Омске его просили послать полк Тараса Шевченко в Челябинск «к умирающему брату Бианки» (ГАРФ. Ф.Р-144. Оп. 1. Д. 22. Л. 26об.). По всей видимости, речь идет о каких-то эсеровских кодовых наименованиях.
 134 Былинкин А. С. – член ПСР, баллотировался в члены Учредительного Собрания от Румынского фронта. Управляющий ведомством юстиции Совета управляющих ведомствами (1918).

- ¹³⁵ Несмеянов В. А. (?) – член ПСР, участник московской боевой организации, вышел из ПСР в ноябре 1918 г.
- ¹³⁶ Донской Дмитрий Дмитриевич (1881–1936) – член ПСР (вступил не позднее 1907 г.), врач, член ЦК ПСР (с 12. 1917). Руководил военной комиссией ЦК ПСР (1918). Один из руководителей эсеровского антибольшевистского подполья в Москве. Арестован ВЧК летом 1919 г. В 1924 г. выслан в Нарымский край, работал в районной больнице. Покончил с собой.
- ¹³⁷ ГАРФ. Ф.Р-144. Оп. 1. Д. 22. Л. 16.
- ¹³⁸ Там же. Л. 20.
- ¹³⁹ Там же. Л. 25.
- ¹⁴⁰ Там же. Л. 37.
- ¹⁴¹ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы. В 4 т. Т. 2. Ч. 1. Уфа, 2002. С. 10.
- ¹⁴² Приказ по Башкирскому войску. 1918. 19. 11. № 8 (РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 3. Лл. 56–56об.).
- ¹⁴³ РГВА. Ф. 461(К). Оп. 2. Д. 142. Л. 18.
- ¹⁴⁴ Акулинин И. [Г.] Колчак и атаман Дутов... // Возрождение (Париж). 1930. 07.02. № 1711. С. 2.
- ¹⁴⁵ РГВА. Ф. 461(К). Оп. 2. Д. 142. Л. 18.
- ¹⁴⁶ ГАРФ. Ф.Р-749. Оп. 1. Д. 39. Лл. 48–48об.
- ¹⁴⁷ ГАРФ. Ф.Р-9427. Оп. 1. Д. 391. Л. 1.
- ¹⁴⁸ Иртыш. Голос Сибирского казачьего войска. Журнал еженедельный (Омск). 1919. № 7. 28(15).02. С. 16.
- ¹⁴⁹ РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2347. Л. 50.
- ¹⁵⁰ Тоган З.-В. Указ. соч. С. 187.
- ¹⁵¹ Письма атамана Дутова // Наш путь. Ежемесячный журнал Дальбюро ЦК РКП (Чита). 1923. Апрель. № 8. С. 48.
- ¹⁵² ГАРФ. Ф.Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 23.
- ¹⁵³ Иртыш. Голос Сибирского казачьего войска. Журнал еженедельный (Омск). 1919. № 7. 28(15).02. С. 16.
- ¹⁵⁴ ГАРФ. Ф.Р-341. Оп. 1. Д. 52. Лл. 52, 60.
- ¹⁵⁵ Аманжолова Д. А. Казахский автономизм и Россия. М., 1994. С. 190.
- ¹⁵⁶ РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 6. Л. 2; Акулинин И. Г. Оренбургское казачье войско. С. 103.
- ¹⁵⁷ См., напр.: Гоннер К. [Я.] Указ. соч. С. 107.
- ¹⁵⁸ Буревои К. [С.] Колчаковщина. М., 1919. С. 14.
- ¹⁵⁹ РГВА. Ф. 39866. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.
- ¹⁶⁰ ГАРФ. Ф.Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 37.
- ¹⁶¹ Гоннер К. [Я.] Указ. соч. С. 107–108.
- ¹⁶² Выселение полковника Махина // Енисейский вестник (Воля Сибири). Издается при Управлении Енисейской губернией (Красноярск). 1919. № 21. 08.02 (26.01). С. 3.
- Вероятно, о нем написал В. Г. Болдырев в своих воспоминаниях: «Токио. 30 января. Заходил Махин. Он встревожен падением Оренбурга и другими неблагоприятными сведениями из Сибири. Опять уговаривает меня поехать в Париж, где, по его мнению, мой голос авторитетного военного и бывшего члена правительства имел бы большой вес» (Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (Из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.). Под ред. В. Д. Вегмана. Новоиколаевск, 1925. С. 176).
- ¹⁶⁴ Возможно, он является автором следующего письма (датировано началом июля 1919), предположительно адресованного В. Г. Болдыреву (хотя некоторые особенности этого документа вызывают сомнения как в авторстве Ф. Е. Махина, так и в том, что адресатом был Болдырев): «Многоуважаемый генерал (Очень извиняюсь, что не знаю имени отчества (весь-

- ма странное для Ф. Е. Махина примечание внизу страницы – авт.)). После странствий я добрался до Парижа, был проездом в Лондоне. В Париж я приехал в конце мая. Как здесь, так и в Лондоне официальная ориентация – колчаковская. Члены директории по-видимому раскололись во взглядах на русскую политику, часть склонна помириться с Колчаком, другая занимает позицию – ни Ленина, ни Колчака. К сожалению, как показали события, Колчак оказался не в состоянии спасти страну. Мне думается, что Деникина постигнет та же участь. Ни Колчак, ни Деникин не могут создать массовых движений народа, не могут подойти к нему с такими идеалами, которые имели в виду счастье народное. Официальные представители Англии и Франции пытаются по-видимому сделать все, чтобы поддержать современных вождей антибольшевистских войск, но, по моему убеждению, пока не будут двинуты иностранные войска на успех рассчитывать нечего. Письмо Ваше к Вашей супруге я отправил в Екатеринбург с [М. С.] Аджемовым, который вместе с ген. [Д. Г.] Щербачевым ездил из Парижа на Деникинский фронт. Я думаю, что оно попало по назначению. Пока что, я продолжаю оставаться в Париже и знакомлюсь с нравами и настроениями французской массы. Народ здесь волнуется так же как и в других странах, но до революции по-видимому далеко еще. Настроение мое в общем угнетенное, вследствие того хаоса идей, которые царят в здешнем русском обществе, среди которого я никого не вижу, кто бы совершенно объективно работал во имя России и Народа. Очень хотел бы получить от Вас хотя бы небольшое письмецо. Шлю Вам пожелания всего лучшего. О. Махин. Адрес: Paris, 17 rue la Fremoille VIII Mme Sergeeff roug Mme Makhine» (ГАРФ. Ф.Р-10055. Оп. 2. Д. 8. Л. 146).
- ¹⁶⁵ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Ч. 3. Т. 1. С. 319.
- ¹⁶⁶ ГАРФ. Ф.Р-5893. Оп. 1. Д. 19. Л. 12.
- ¹⁶⁷ ГАРФ. Ф.Р-5893. Оп. 1. Д. 30. Л. 4.
- ¹⁶⁸ Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 827.
- ¹⁶⁹ Вишняк М. [В.] Годы эмиграции 1919–1969. СПб., 2005. С. 120.
- ¹⁷⁰ Работа эсеров за границей. По материалам Парижского архива эсеров. М., 1922. С. 15.
- ¹⁷¹ Вишняк М. [В.] Указ. соч. С. 141.
- ¹⁷² ГАРФ. Ф.Р-5893. Оп. 1. Д. 4. Лл. 6, 19; Д. 5. Л. 19; Д. 85. Л. 23.
- ¹⁷³ ГАРФ. Ф.Р-5893. Оп. 1. Д. 4. Лл. 1–3, 6–7.
- ¹⁷⁴ ГАРФ. Ф.Р-5768. Оп. 1. Д. 35. Л. 93.
- ¹⁷⁵ Јовановић М. Досељавање руских избеглица у краљевину СХС 1919–1924. Београд. 1996. С. 303.
- ¹⁷⁶ Арсеньев А. Б. У излуцины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 73.
- ¹⁷⁷ Очерк деятельности Объединения Российских Земских и Городских Деятелей в Чехословацкой Республике («Земгор»). 17 марта 1921 года – 1 января 1925 года. Прага, 1925. С. 12.
- ¹⁷⁸ Јовановић М. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005. С. 304.
- ¹⁷⁹ Белоэмиграција у Југославији 1918–1941. Т. 1. Београд, 2006. С. 288.
- ¹⁸⁰ Сухомлин В. Гитлеровцы в Париже // Новый мир (Москва). 1965. № 11. С. 152.
- ¹⁸¹ ГАРФ. Ф.Р-6094. Оп. 1. Д. 85. Л. 3.
- ¹⁸² ГАРФ. Ф.Р-5968. Оп. 1. Д. 121. Л. 60.
- ¹⁸³ Белоэмиграција у Југославији 1918–1941. Т. 1. Београд, 2006. С. 447.
- ¹⁸⁴ ГАРФ. Ф.Р-5789. Оп. 1. Д. 36. Лл. 7–7об.
- ¹⁸⁵ Там же. Лл. 8об–9.
- ¹⁸⁶ The Socialist-Revolutionary Party After October 1917. Documents from the P.S.-R. Archives / Marc Jansen [ed.]. Amsterdam, 1989. P. 642.
- ¹⁸⁷ Цит. по: Јовановић М. Указ. соч. С. 52–53.
- ¹⁸⁸ Там же. С. 75.
- ¹⁸⁹ ГАРФ. Ф.Р-5945. Оп. 1. Д. 86. Л. 118.

- 190 ГАРФ. Ф.Р-5826. Оп. 1. Д. 23. Л. 197.
 191 Там же. Лл. 197–197об.
 192 ГАРФ. Ф.Р-5893. Оп. 1. Д. 24. Лл. 84–84об.
 193 ГАРФ. Ф.Р-5809. Оп. 1. Д. 10. Лл. 40–41.
 194 Белоэмиграција у Југославији 1918–1941. Т. 2. Београд, 2006. С. 180.
 195 Махин Т. Алексије Јелачић: На прелому. – М.М. Пешић: Нови Јесенњин // Руски Архив (Белград). 1934. № XXVI-XXVII. С. 308–311; Он же. Стратегиски положај на Далеком Истоку (са 2 шеме) // Руски Архив. 1934. № XXVIII-XXIX. С. 92–114; Он же. Друга пјатилетка СССР // Руски Архив. 1934. № XXVIII-XXIX. С. 281–298; Он же. Из живота Совјетске Русије // Руски Архив. 1935. № XXX-XXXI. С. 243–255; Он же. Стратејски положај немачке (са kartom) // Руски Архив. 1936. № XXXVI-XXXVII. С. 148–167; Он же. «Knjiga o Balkanu». I. Izd. Balkanskogog instituta 1935 1936 g. 1934: Revue Internationale des Etudes Balkaniques, Т. 1. Beograd. // Руски Архив. 1936. № XXXVI-XXXVII. С. 191–192; Он же. Погледи совјетске војне књижевности на војне савезе, конвенције и коалиције // Руски Архив. 1936. № XXXVIII-XXXIX. С. 148–154.
 196 Махин Ф. [Е] Стратегическая обстановка на Дальнем Востоке // Проблемы. Сб. 1. Угроза войны. Париж, 1934. С. 39–76; Он же. Военная мощь России // Проблемы. Сб. 2. Защита страны. Париж, 1935. С. 57–149; Он же. Стратегическое положение современной России // Проблемы. Сб. 3. Перед грозой. Париж, 1936. С. 42–147.
 197 Белоэмиграција у Југославији 1918–1941. Т. 2. Београд, 2006. С. 182.
 198 Махин Ф. [Е] Стратегическая обстановка на Дальнем Востоке // Проблемы. Сб. 1. Угроза войны. Париж, 1934. С. 58.
 199 Махин Ф. [Е] Военная мощь России // Проблемы. Сб. 2. Защита страны. Париж, 1935.
 С. 86
 200 Там же. С. 136.
 201 Там же.
 202 Там же. С. 149.
 203 РГВА. Ф. 1412(К). Оп. 1. Д. 13336. Л. 48.
 204 Руска галерија сликара А. Л. Билса // Руски архив. Часопис за политику, културу и привреду русије (Белград). 1931. № 13. С. 15.
 205 См., напр.: Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–40. Сб. документов. Кн. 1. 1934–1937. М., 1998. С. 58.
 206 Цит. по: The Socialist-Revolutionary Party After October 1917. P. 744.
 207 Makhine Th. L'armée rouge. P., 1938.
 208 Voina Enciklopedia. Drugo izdanje. Т. 5. Beograd, 1973. С. 208.
 209 Мотов В. Пришло время рассказать... Финал (Бирк в Италии) // Новости разведки и контрразведки (Москва). 2004. № 19–20 (196).
 210 Тимофеев А. Ю. Положение русской эмиграции в Югославии в 1941 году // Славяноведение. 2006. № 4. С. 47.
 211 Н. Р. Ф. Е. Махин в рядах четнической армии // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1942. 29.03. № 10630. С. 2.
 212 Махин Ф., генерал-лейтенант Народно-освободительной армии Югославии. Югославский дневник // Красная звезда. 1945. № 14 (6002). 17.01. С. 3; № 25 (6013). 31.01. С. 3.
 213 Матовић И. Војсковођа с ореолом мученика. Повест о генералу Арсу Р. Ивановићу начеднику Врховног штаба НОВЈ и његовој трагичној судбини. Београд, 2001. С. 293.
 214 Гиренко Ю. С. Сталин – Тито. М., 1991. С. 3.
 215 Фирсов Ф. И. Секретные коды истории Коминтерна 1919–1943. М., 2007. С. 439.
 216 Там же. С. 440.
 217 Матовић И. Указ. соч. С. 617, 632.
 218 Voina Enciklopedia. Drugo izdanje. Т. 5. Beograd, 1973. С. 208.
 219 Матовић И. Указ. соч. С. 632.

- 220 Голдин В. И. Роковой выбор. Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск – Мурманск, 2005. С. 342.
 221 Серков А. И. Русское масонство 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 530.
 222 Косик В. И. Что мне до вас. С. 81.
 223 ГАРФ. Ф.Р-6792. Оп. 2. Д. 428. Л. 22об.
 224 ГАРФ. Ф.Р-5789. Оп. 1. Д. 36. Лл. 2–2об.
 225 Махров П. [С.] Памяти Ф. Е. Махина // Русские новости (Париж). 1945. 31.08. № 16. С. 6.
 226 Посадский А. В. Генерального штаба полковник Виктор Константинович Манакин: штрихи к биографии. С. 252.